

Одиночный Дозор

Автор:

Людмила Макарова

Одиночный Дозор

Людмила Макарова

Дозоры

Шестой Дозор состоялся. С уходом Двуетного божества, издревле следившего за соблюдением Великого Договора, изменились реальность Иных и человеческий мир. Сумрак, содрогнувшийся от Высшей магии, все еще нестабилен, противостояние Тьмы и Света достигло предельной черты. Еще немного – и даже обычная прогулка по столичным улицам станет небезопасной. И в этих условиях Светлый оперативник Никита Сурнин, расследующий смерть старушки, вынужден идти на сотрудничество с Темными Иными и Светлыми отшельниками – ведь остальные дозорные не спешат ему на помощь.

Все ново и странно в изменившемся Сумраке...

Людмила Макарова

Одиночный Дозор

© С. Лукьяненко, 2013

© Л. Бекмачева, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Данный текст ставит под сомнение необходимость соблюдения Великого Договора.

Дневной Дозор

Данный текст свидетельствует о необходимости строгого соблюдения Великого Договора.

Ночной Дозор

Часть 1. Темные игры

Пролог

Календарная весна – суровая предвестница перемен к лучшему... Многоэтажные джунгли, изрезанные магистралями и дорожными развязками, замирают в ожидании тепла. Городские высотки, посеченные снежной крупой и ледяными дождями, жадно ловят запыленными окнами первые, еще холодные солнечные лучи.

Пройдет совсем немного времени, и свет разольется по широким проспектам и заструится в тихих закоулках. Засияет на водосточных трубах и отполированных рельсах, брызнет в окна проносящихся электричек, сверкающими искрами осыплется в лужи с машин, зашлепанных грязью по крыши.

Солнце сполна отыграется за временное зимнее поражение, возвращая себе одну потерянную позицию за другой: оно наголову разобьет ночь и удлинит световой день, разольет над Москвой сверкающую синь, и унылые тучи в страхе

съежятся за горизонтом.

С каждым новым порывом пронизывающий ветер городских парков будет терять силу и злость и наконец, почти усмиренный, сердито пригладит взъерошенные волосы мальчишкам, залихватски распахнувшим теплые куртки. Он погонит по едва просохшему асфальту маленькие пыльные смерчи. Зашуршит в голых ветвях деревьев, задолго до летней премьеры репетируя незатейливую пьесу «Шум зеленой листвы»...

Весна уже скоро. Настоящая, с буйным цветом яблонь, пестротой девичьих нарядов, зеленью газонов и первыми грозами... Столица замерла в холодном ожидании.

Старушка поворошила клюкой содержимое урны, подцепила из ее недр пивную банку, просаленный бумажный сверток и скомканные влажные салфетки. Недовольно пожевав губами и прошамкав что-то недобропорядочное, она критически осмотрела улов, гирляндой свисавший с кончика клюки, не обнаружила в нем ничего, достойного внимания, и стряхнула мусор на газон. Спортивная дамочка, неподалеку гулявшая с собакой, как раз собиралась сделать сгорбленной старухе замечание, когда та нехорошо зыркнула из-под полуопущенных век. Добрейшей души лабрадор Норд вздыбил шерсть на загривке, зашелся лаем, потом визгом и вдруг опрометью бросился прочь, натягивая поводок и увлекая за собой хозяйку.

– Развелось собак как тараканов, шагу ступить некуда, – проворчала ведьма им вслед и поковыляла к следующей урне.

Вдалеке стихал истеричный собачий лай. Хлам с газона потянулся за клюкой, словно намагниченный: вслед за просаленной оберткой из-под гамбургера пристроились два комочка влажных салфеток, следом покати́лась банка из-под пива, проползла пустая пластиковая бутылка, грязный ежик из смятых окурков, валявшихся вдоль невысокого бордюра, а следом норовило пристроиться все остальное содержимое урны. Бабка, не оборачиваясь, тукнула палкой точно колдовским посохом. Мусор рассыпался. Ветер разметал его, швырнув мятую жестяную банку под колеса одинокого велосипедиста, который как раз поравнялся со старушкой, сердито прохрустел колесами по наледи и, стремительно удаляясь, зашуршал по мерзлым камешкам парковой дорожки.

Велосипед, счастливо объехавший бабку, опасно завиял по замерзшим лужам, норовя сбросить седока точно взбесившийся конь.

– И людей развелось, никакого покою, – мрачно ворчала старуха ему вслед. – Куда столько?

Дорожка вывела ее на обледеневшую скользкую брусчатку, а та, в свою очередь, – к летней эстраде, которая торчала посреди парка мокрой ракушкой, из которой давным-давно удрал в теплые края промерзший моллюск. Несмотря на непогоду, пронизывающий ветер и лохматые тучи, время от времени сыпавшие снежной крупой, вокруг эстрады толпилась горстка людей. И туда постепенно подтягивались все новые посетители парка.

На сцене разворачивалось театральное действие. Двое парней, одетых в полосатые костюмы, клоунские ботинки и цирковые пиджаки с длинными фалдами, разыгрывали не то пантомиму, не то акробатический этюд с элементами брейк-данса. Несмотря на ярко-красные носы и кричащие наряды, смотреть на ребят было скучно и холодно: они откровенно гнали халтурку и явно промахнулись с сезоном – благодатная пора для уличных актеров, поэтов и музыкантов еще не наступила. Зрители поднимали воротники, глубже натягивали капюшоны, беспокойно оглядывались по сторонам, но почему-то не расходились.

Ведьма посмотрела на влюбленную парочку, которая, так и не разомкнув объятий, брела к эстраде от липовой аллеи, перевела взгляд на парня в потертой кожаной куртке, приближавшегося со стороны центрального входа, протиснулась мимо сцены и вдруг огрела палкой мокрые кусты.

– Вот допрыгаетесь, придут за вами, – не останавливаясь, напрогочила она закачавшимся голым веткам, почерневшим от непрерывных дождей и снегопадов. – Развелось кровососов.

Словно услышав, парень в кожанке ускорил шаг и глубже засунул руки в карманы. Казалось, во всем парке он был единственным человеком, кто действовал осмысленно. А человеком ли? Судя по тому, что аура Иного вокруг него так и горела, – маскироваться он не планировал ни от своих, ни от чужих.

«Развелось Светлых – ослепнуть можно...»

Это старая ведьма вслух проворчать не решилась. С нетипичным для сгорбленной старушки проворством она отбежала от эстрады на безопасное расстояние, к пустой детской площадке, и только закончив маневр, позволила себе исподтишка обернуться. О чем тут же пожалела. Маг перехватил взгляд. Он был выше уровнем – мгновенно «расшифровал» ведьму, засветил ей в глаз метками Ночного Дозора и, казалось, потерял к ней всякий интерес. На секунду ведьма почувствовала себя голой... а потом со всех ног припустила из промозглого парка, изредка вспоминая про клюку.

Центральным входом она пользовалась редко, предпочитая «народную тропу» через мелкий ручей, где поверх разрушенного мостика было перекинуто несколько свежих досок. На безлюдном раскисшем склоне, по которому сползали на дно овражка пласты почерневшего снега, она уже чувствовала себя практически в безопасности, когда столкнулась нос к носу с Темным Иным. Парень хлопнул дверцей навороченной иномарки, оставшейся на дороге, и без колебаний начал спускаться навстречу старухе.

Бездарное представление в районном парке, расположенном в спальном районе на окраине столицы, чем-то привлекло не только зрителей, но и небывалое внимание высокоуровневых дозорных с обеих сторон. Темный Иной, кажется, был еще выше рангом, чем Светлый. Старуха переломилась в низком поклоне. Старомодную привычку «кланяться барину» из нее не смогли выбить ни коммунисты, ни демократы, ни дозорные. Впрочем, Темные не слишком усердствовали, а вот Светлые, особенно молоденькие патрульные, многожды пытались... особенно в советские времена.

– Ты еще тут... Алевтина! Чтобы духу твоего здесь не было, – недовольно пробормотал Темный маг в ответ на подобострастное приветствие ведьмы.

Едва скользнув по ней взглядом, он критически осмотрел грязный косогор, собственные дорогие ботинки, смерил расстояние до относительно чистых парковых дорожек по ту сторону ручья и растворился в Сумраке.

Алевтина выждала немного, медленно распрямилась, опираясь на палку, раздраженно плюнула на почерневший снег и, забывшись, потрясла в воздухе костлявым кулаком:

– Развелось Дозоров, никакого житья!..

Она испуганно охнула, укусила себя за язык гнилыми зубами, отбросила палку и принялась размахивать руками в воздухе, словно ловя невидимых комаров. Слова, налившиеся Силой, уворачивались как живые. Наконец, изрядно запыхавшись, Алевтина развеяла случайное проклятие по ветру. Его черные лохмотья взлетели в воздух, вырвавшись из Сумрака точно конфетти из хлопушки, сшибли с ближайшего дерева оглушительно каркнувшую ворону, и та, кувыркнувшись в воздухе, замертво упала в грязь, распластавшись у ног ведьмы. Взгляд старухи заметно потеплел.

– Ты ж моя красавица, – почти нежно прошептала она, воровато оглянувшись по сторонам и, обнажив на конце клюки острый крюк, одним движением оттащила вороне голову. Быстро распахнув черное выношенное пальто, Алевтина сунула добычу под растянутую вязаную жилетку в карман халата. Затем выдрала из хвоста несчастной птицы несколько перьев, поддавшись вдохновению, прихватила еще левую лапку, спалила окровавленные птичьи останки и, не оглядываясь, заковыляла прочь.

* * *

Носить на шее боевые амулеты Никита Сурнин перестал давно – к концу первого года работы в оперативном отделе. Если у него на груди и болтался какой-нибудь кулон, прикрытый от посторонних глаз соответствующим заклятием, то чаще всего им оказывалась пустышка либо защитный амулет или нехитрое свернутое заклинание вроде «длинного языка». Разумеется, высокоуровневых Темных Иных такой маскарад мог только позабавить, и даже более того: при встрече с ними он мог сыграть с Никитой Сурниным злую шутку. Но высокоуровневые Темные Иные и не шалили по ночам на улицах. Неприятности Ночному Дозору города Москвы они доставляли совсем другими способами.

Рассчитана эта военная хитрость была как раз на всякую мелкую шушеру, с которой чаще всего приходилось сталкиваться оперативникам. Взгляд Темного нарушителя обязательно приковывал сверкающий Светом медальон на шее дозорного. И Никита, легко жертвуя пустышкой, выигрывал в Сумраке несколько драгоценных секунд при задержании.

Все это, конечно, было хорошо. Все это говорило о том, что Никита Сурнин – оперативник опытный, со своим стилем и почерком, что к работе он подходит

осмысленно и даже немножко творчески и, несмотря на относительно молодой для Иного возраст, уже имеет собственные наработки... Если бы оба рабочих амулета, лежавших в карманах куртки, не были за прошедшую ночь полностью разряжены. Вернее – за две прошедшие ночи и полдня, которые Никита с двумя патрульными гонялся за Темными изготовителями амулетов. Разумеется, никакой лицензии у подпольного цеха в помине не было, и при появлении сотрудников Ночного Дозора, внезапно нагрянувших с проверкой, в подвале началось настоящее светопреставление: нечисть рванула прочь сквозь окна, двери, стены и два слоя Сумрака, попутно устроив на реальном слое пожар площадью почти в двести квадратных метров, так что смена у Никиты закончилась не скоро.

В последнее время он вообще начал забывать о тех днях, когда, отработав смену, можно было сдать рапорт и уйти домой. И не он один! Если бы в дежурке хватало места, этой зимой сотрудники оперативного отдела переселились бы туда всем личным составом, чтобы не тратить драгоценное время на дорогу.

Поминая недобрыми словами Темных искусников, из-за которых он среди бела дня опасно клевал носом за рулем, Никита ехал домой мимо центральных ворот парка, когда ему вдруг почудилось, что за оградой как-то особенно темно и сумрачно и звучит из-за голых деревьев едва слышная ускользящая мелодия – томная, тяжкая, пленительная...

Сурнин тихо выругался, дал по тормозам, включил аварийку, выскочил из машины и помчался к воротам.

Почти бегом миновав главный вход, он остановился на центральной аллее и вновь прислушался к нечеловеческому пению. Сумрак звучал странно. В ускользящей мелодии, конечно, улавливались манящие нотки, характерные для истинного вампирьего зова, но в то же время ей не хватало изящества и страстной неотвратимости. Скорее даже наоборот – слышались совершенно нехарактерные для традиционного зова воинственные интонации: гудела далекая и неясная барабанная дробь, выли призрачные трубы, заставляя неведомые полки разворачивать атакующий строй. Но главное – в сумеречном пении угадывалось несколько голосов, и это был первый случай в практике дозорного Никиты Сурнина, когда он слышал хоровое пение вампиров. К тому же не направленное на конкретную жертву! Донельзя озадаченный Никита быстро зашагал на звук.

Возле дощатой эстрады, зачарованные пением, стояли люди, бессмысленно тарачившиеся на дешевое представление каких-то местных ребят, а поблизости копошилась ведьма – безобразная и скрюченная, как Баба Яга. Удивительно, но свой истинный облик старая карга и не думала скрывать, равно как и возраст, который оказался таким почтенным, что Никите даже при беглом осмотре стало не по себе. Уровень Силы ведьмы, да еще такой опытной, – вечная загадка для Светлых дозорных. Особенно для мужчин. Светлые волшебницы из оперативного отдела с этой задачей справлялись намного лучше, а Никита перед ведьмами не то чтобы робел, но как-то каждый раз терялся. С одной стороны – женщина. Как правило, немолодая, одинокая и не слишком счастливая, Иная опять же... Темная. Зачастую Темнее своих магов и такая тварь, что ни вампирам, ни оборотням, ни даже сотрудникам Дневного Дозора с ней лишней раз связываться не хочется! А Светлому оперативнику что с такой делать прикажете? Бить ее? Тащить в Сумрак, «прессом» там давить или вязать сразу? А может, она ничего предосудительного не делала, травки собирала да Весну кликала, чтобы на шабаше подружки не замерзали, и регистрация у нее в порядке, и лицензия в кармане имеется. А то, что ведьма чернее ночи, страшна как термоядерная катастрофа и весь белый свет ненавидит, так то ж ее Темная природа такой сделала, а против природы не попрешь.

В этот раз Никите повезло. Едва углядев метки Ночного Дозора, ведьма предпочла убраться куда подальше, всем своим видом показывая, что она здесь просто мимо проходила. И почему-то в этот раз Никита безоговорочно поверил Темной старушке. Он бросил на эстраду быстрый взгляд, убедился, что ауры обоих ребят, кривлявшихся на сцене, человеческие, и стремительно поднял с земли свою тень.

Утро сегодня выдалось мглистым и туманным, мартовский денек – промозглым. Непробиваемые ватные тучи отражались в грязных лужах и сером асфальте, остатки снега чернели на газонах, а весь город затянуло мелкой колючей сеткой дождя... После безрадостных городских пейзажей смазанные цвета Сумрака показались Никите теплыми и почти домашними. Ну, может, не совсем теплыми, но они здесь хотя бы были – эти самые цвета! Эстрада, которую вопреки ожиданиям не размыло в прохладной серости, возвышалась впереди жутковатым остовом погорелого театра, от которого остались фасад с пустыми провалами окон и угольно-черная арка входа, ведущего под каменные своды, в таинственный грот, тонущий во мраке. В окнах первого этажа переливались прозрачные рыжие сполохи, как будто в реальном мире здание, охваченное огнем, полыхало вовсю. На втором этаже медленно клубился Сумрак, от чего уцелевший фасад дрожал, словно в морозной дымке.

Никита перевел взгляд. Слева от эстрады, вернее – от ее сумеречного воплощения, полукругом стояли молоденькие тощие вампиры. И они действительно пели хором, закатив глаза, покачиваясь и слаженно открывая хищные рты. Навскидку – трое парней и две девчонки, хотя в Сумраке еще и не сразу разберешь, кто из этих костлявых уродов окажется наверху девушкой, да такой чертовски привлекательной, что ей не жалко навеки отдать руку и сердце, кровь, любовь и саму жизнь.

– Ночной Дозор, – громко объявил Сурнин. – Проверка регистрации.

Вампиры, не ожидавшие внезапного появления Светлого Иного, прервали странный ритуал, замерли на мгновение в нелепых позах и в панике бросились врассыпную, не дожидаясь, пока чужой дозорный представится по всей форме и настойчиво предложит им покинуть сумеречный мир для дальнейших разбирательств.

Сумрак вокруг загустел от пришедшей в движение Тьмы. Никита даже слегка растерялся. К нападению нежити он был морально готов – от Темных можно ждать любой пакости. А вот к тому, что они ни с того ни с сего начнут улепетывать во все лопатки, словно Светлый дозорный застукал их с окровавленной нелегальной жертвой на руках, он морально подготовиться как-то не успел.

– Стоять! – рявкнул он и ринулся за тем вампиром, который казался старше и сильнее остальных.

Оперативнику третьего уровня Силы, пусть и не выпавшемуся и здорово озадаченному, не составило особого труда изловить Темного мальчишку: он настиг его в два прыжка. От подвешенных заклинаний, мгновенно обездвиживающих противника, за две дозорные ночи у Никиты остались одни воспоминания, и парня он просто свалил на землю, прежде чем раскрыть правую ладонь.

Вечные сумерки рассек сверкающий клинок.

Перепуганный вампир взвыл от ужаса. Никита стряхнул с ладони сверкающее лезвие «белого меча», соорудил из осыпающихся световых блесков ядовито-

белый браслет, нацепил на трепыхавшегося вампира, для верности припечатал простым знаком Силы и вскочил на ноги. Сейчас Темные осознают, что их четверо на одного, и развернутся... Уже развернулись. Еще чуть-чуть – и от их растерянности не останется и следа. Какими бы неопытными они ни были, они вспомнят про клыки, когти и нечеловечески стремительные броски, особенно когда разглядят, что у Светлого мага ничего не осталось в запасе, кроме Сумрака и Силы. Но Сумрак и Сила есть и у них. Так устроен мир.

– Пусти! Я ничего не сделал! – взвизгнул клыкастый переросток, наглухо прикованный Светом к холодной земле волшебного царства Иных. Вдруг он странно затих, к чему-то прислушиваясь, а потом в полном отчаянии всхлипнул в спину Светлого Дозорного...

– Ну, отпусти, а?

И в этот миг из угольного провала арки вынырнул рогатый демон, добавив неразберихи. Скалящиеся вампиреныши, которые, по логике событий, должны были с облегченным вздохом юркнуть за спину Темного Иного, подоспевшего на выручку, панически заметались между двумя дозорными, а потом и вовсе повыскакивали из Сумрака как пробки из бутылки, бросив прикованного товарища на произвол судьбы. Никита посмотрел в красноватые глаза Темного, так эффектно явившегося со второго слоя Сумрака, и подавил неосознанное желание рвануть вслед за мелкой нежитью. Этого противника он знал лично. И связываться с ним у Никиты не было никакого желания.

– Дневной Дозор, как ты понял, – усмехнулся Темный, не обратив внимания на улепетывающих собратьев. – Привет, Никита. Что-то я не вижу тут несчастных жертв, нуждающихся в покровительстве Сил Света... На каком основании задержан вампир?

– Проверка регистрации, – буркнул Сурнин, разглядывая черные полированные рожки на голове демона. – Привет, Андрей, не могу сказать, что рад тебя видеть.

А ничего так рожки. Вовсе и не грозные. Почти карикатурные. Только в Сумраке что-то совсем прохладно сегодня.

– Ну и как, проверил регистрацию?

- Да, все в порядке.

- Значит, инцидент исчерпан.

Движение Темного было почти неуловимым. Вслед за упругим толчком Силы световой браслет, приковавший вампира к земле, разлетелся известковой пылью, на его месте растеклась чернильная клякса и истаяла за то время, что помятый вампир поднимался на ноги.

- Выходим из Сумрака, - не то предложил, не то приказал Темный дозорный. И было не очень понятно, к кому он обращался в первую очередь: к нежити или к Светлому магу.

Никита не двинулся с места. Демонстративно не обращая на него внимания, Темный повернулся спиной, шагнул к вампиру и фамильярно положил тому руку на плечо. Их контуры растворились в чернильном ореоле, но Никита успел заметить, как рука мага невзначай скользнула по плечу к тощей шее кровососа и как тот присел, когда сомкнулись на ней узловатые пальцы. Кажется, еще немного, и вампиреныш во весь голос завопил бы: «Дяденька Светлый, не отдавай меня ему!»

Никита собирался как можно дольше оставаться в Сумраке, где у него был хоть какой-то шанс, но странное поведение вампира заставило его передумать.

- Андрей, стой! Надо поговорить! - крикнул он, растоптав вместе с сумеречной тенью гордость, досаду, регламент взаимодействия с Темными Иными и некоторые моральные принципы Иных Светлых.

Но Андрей Старков не обернулся. Парочка стремительно удалялась. Вампир, которого он отпустил, подобострастно семенил рядом, оправдывался и отчаянно жестикулировал.

- Да идите вы все... - сказал Сурнин.

Все равно ни на преследование, ни на выяснение отношений с Темными сил уже не хватило бы. Его двухсуточная дозорная смена наконец закончилась в силу объективных причин.

Никита привалился спиной к фонарному столбу, возле которого выскочил из Сумрака, выдохнул облачко пара и поднял глаза к взлохмаченным хмурым небесам. Лицо искололи мелкие льдинки. К вечеру метеорологи обещали в Москве понижение температуры до минус семи, ветер, гололед, автомобильные пробки и прочие радости мегаполиса. Не обманули, кажется.

Мимо Светлого дозорного, едва прикрытого «сферой невнимания», дружно промчались к выходу из парка замерзшие зрители. За ними, подхватив сумки с нехитрым реквизитом, спешили клоуны-неудачники, которым юные адепты Сил Тьмы сегодня сделали настоящий подарок, согнав на выступление небывалое количество поклонников.

Никита оторвался от столба, снял «сферу» и побрел вслед за очнувшимися людьми, как в дурном бессмысленном сне. Безобразная сказочная ведьма, встретившаяся на пути, хоровой кружок вампиров-малолеток, схватка, которая так и не состоялась, явление могущественного волшебника, которое ничем не кончилось, грошовое выступление двух идиотов, надеявшихся грядущим летом срубить денег на доверчивых туристах... Слишком много даже для Иного.

О грядущих непростых временах шеф Ночного Дозора столицы честно предупредил сотрудников конторы еще три месяца назад, собрав их на экстренном совещании.

«Значит, никаких Кровавых Заветов, – думал тогда Никита Сурнин, слушая Бориса Игнатьевича. – Никаких Двуетиных, издревле блюдущих мировой порядок. Впервые в истории мы предоставлены сами себе... Твоя свобода выбора, твое решение, но и ответственность за него – твоя! – Он оглянулся на тяжело вздохнувший зал. – А мы потянем? Вы же столько лет... Мы же столько лет считали себя избранниками Света, борцами с Тьмой и принимали решение всего раз в жизни, выбирая сторону. А сейчас, если я правильно понял шефа, нам придется делать это куда чаще. И первое, основополагающее решение, которое предстоит принять, расторгать Великий Договор или нет? И что нам всем делать, если разворачивающееся перед глазами сумеречное полотнище с алыми буквами отправится на свалку истории? На Инквизицию уповать не приходится. С гибелью Двуетинового сотни защитных заклятий истаяли в Сумраке, амулеты разрядились, таинственные эликсиры в ведьмовских склянках утратили Силу, и многие мощнейшие артефакты стали безопаснее детских игрушек. Но не все! А это значит, что все Инквизиторы сейчас стянуты к хранилищам, и им временно не до нас... Пусть у них все получится! – прошептал тогда похолодевший

Никита. – Мы как-нибудь справимся. Лишь бы Инквизиторы смогли заново запечатать этот ящик Пандоры и удержать всех нас от соблазна вооружиться до зубов теми артефактами, что еще хранят древние силы».

С тех пор как Никита Сурнин близко познакомился с одним из экспонатов международного Бюро Инквизиции, он проникся к серым балахонам уважением, несвойственным большинству дозорных. К счастью, древний Сумеречный маг, заключенный в тело девушки Ларисы, был много старше самого Кровавого Завета и не имел никакого отношения к Великому Договору. В давно канувшей в Лету эпохе он повелевал стихиями, наполняя энергией Сумрак, обходившийся тогда без людей и без Иных. К тому же хранило его древнейшее темпоральное заклятие, которое Иным хоть и удалось однажды использовать, но так и не удалось ни воспроизвести, ни разрушить, несмотря на все старания Высших Темных. И по сравнению с возрастом того заклятия Двуетный был просто младенцем.

Но и без жутких порождений Сумрака, которые грозили вырваться на свободу из подвалов Инквизиции, забот хватало с лихвой. Вот, например, подпольное изготовление амулетов... В последний месяц, казалось бы, относительно безобидное явление приобрело размах стихийного бедствия!

Сурнин дошел до машины, плюхнулся на водительское сиденье и на всю катушку включил обогрев салона, сидений, стекол – одним словом, всего, что только могло согреть его этой промозгой весной. В машине задуло-загудело, «дворники» отчаянно заскребли, размазывая по лобовому стеклу подтаявший снег. И только-только сквозь него начала просвечивать улица, как какие-то уроды на «фольксвагене» лихо промчались по встречке, обгоняя поток машин. По стеклам смачно плеснуло грязью. Никита обернулся, отыскивая взглядом ауры водителя и пассажира. Нашел. Не алкаши, не больные, не потенциальные Иные и не марионетки в руках Темных сил – стопроцентно здоровые дураки, совершенно обыденное для российских дорог явление. К тому же эти человеческие ауры он только что видел в парке. Эти двое... Клоуны, прикатившие в парк на «тигуане»?!

Никита вдавил педаль, крутанул руль, развернулся перед носом у недовольно гавкнувшей клаксоном маршрутки и рванул вслед за парнями, устроившими нелепое представление на подмороженной эстраде. Ауры их в самом деле были девственно замкнуты и безупречно человечны – не придраться. Но как-то не верилось, что во всей Москве не нашлось богатым мальчикам других

развлечений, кроме как покривляться на сцене, возле которой в Сумраке случайно собралась целая свора юных вампиров.

– Если вы окажетесь какими-нибудь дауншифтерами, уставшими от папиных денежек, и я зря потрачу на вас время, я вам такую «реморализацию» устрою – никому мало не покажется! Лет на десять в деревню отправлю, – пообещал Никита стоп-сигналам «фолькса», мчавшегося в центр.

Позади от грязной обочины словно катер от причала плавно отвалил черный «лексус» Андрея Старкова. Он стоял далеко от главных ворот, у самого конца парка – там, где у поваленного заборчика начиналась народная тропа, пересекавшая грязный ручей.

Через сорок минут «тигуан» притормозил перед шлагбаумом многоэтажки, высадил пассажира и снова влился в транспортный поток. Бросив машину под запрещающим знаком, Сурнин выскочил вслед за парнем, внимательно осмотрелся по сторонам, пересек двор и взбежал за ним на крыльцо.

– Никита! Ты хотел меня о чем-то спросить?

Андрей Старков собственной персоной неторопливо шагал по двору. Разобравшись с вампиром, он то ли выследил Светлого дозорного, то ли просто вычислил, куда тот направляется, и приехал к месту randevu другой дорогой. Где-то за гранью человеческого мира Сумрак потемнел и сгустился, но в этот раз Иные не стали покидать промозглую человеческую реальность. Никита медленно развернулся к Темному.

– В этот подъезд мне лучше не заходить, да?

– Ну почему? Можешь и зайти, и язык парню развязать – тебе это ничего не стоит... Только время зря потеряешь, – миролюбиво предупредил Андрей, поправил пижонский шарф на шее и еще немного прошел вперед.

Его рука, затянутая в мягкую кожаную перчатку, вовсе не казалась хищной. Если бы Никита только что не видел в Сумраке тяжкую длань демона, он никогда не поверил бы, что этот кудрявый парень в одну секунду может превратиться в существо, поросшее гладкой черной шерстью и почти не имеющее с человеком ничего общего.

– Так что лучше пойдем, поговорим об Иных делах в другом месте – теплом и уютном. Здесь неподалеку есть винный погребок, можно сказать, нейтральная территория... Слишком мелок для обоих Дозоров, и людей там днем почти нет.

– Я за рулем, – сказал Сурнин.

– Так и я за рулем. – Андрей, продемонстрировал ключи от машины и сунул в карман дорогого темно-коричневого полупальто. – Видишь, кое-что общее у нас уже нашлось. Ты же меня звал?

«В ЦУМе он, что ли, одевается?» – подумал Никита, молча кивнул, сошел с крыльца и поднял воротник кожаной куртки.

Народу в ресторанчике, который так и назывался «Погребок», действительно не было. Из пяти свободных столиков Андрей и Никита, не сговариваясь, выбрали самый дальний от барной стойки, из-за которой выскочил обрадованный официант. Андрея он, похоже, узнал, что в общем-то было неудивительно. Так уж получалось, что ночные заведения столицы лучше знали Светлые дозорные, а те, что работают днем, – Темные.

Выпивать на пару с Темным Сурнин не стал – достаточно того, что тот сидел сейчас с ним за одним столом. Андрей посмотрел на него почти сочувственно:

– Ну, как хочешь. Принципы еще никого до добра не довели.

Он легонько звякнул стаканом с вискарем по стеклянному чайнику, который официант поставил перед Никитой, и отсалютовал собеседнику, прежде чем выпить.

– Так что бы он мне рассказал – этот ряженный, на которого я по твоей настоятельной рекомендации не стал тратить время? – спросил Сурнин.

– Что вампиры открыли ему глаза на мир, что он сотрудничает с нами добровольно, не по принуждению, не защищен никакими амулетами, и это – его осознанный выбор. Который вы, кстати, так любите.

– Кто-то стремится к Свету, кто-то идет за Тьмой. Насколько я себе представляю
– испокон веков, – пожал плечами Никита.

Значит, парни на сцене осуществляли прикрытие. Им задурили голову традиционными Темными рассказами и всякими «Ты избранный, только тебе дано видеть мир во всех красках и познать все его тайны, только ты способен помочь истинным магам, да еще и бабла на этом срубить»... Это печально, но понятно. Вербовка простых смертных, на которых Иному не увидеть прямых отметин Силы и на которых подозрение противоположного Дозора падет в последнюю очередь, – дело хлопотное, куда более затратное, чем любое воздействие, но и дивиденды при умелом использовании приносит немалые. С этим все ясно.

– Ты лучше скажи, почему это Дневной Дозор запрещает вампирам хором петь? – поинтересовался Сурнин. – Это же просто пик творческого самовыражения свободной личности! Все по канону.

– Никита, у вас в конторе такое явление, как ротация кадров, разве не существует? Тебя никогда не звали в офис поработать?

– Ну, звали.

– Я бы на твоём месте согласился – для карьерного роста полезно. Тупеешь ты на улицах.

Никита резко выпрямился.

– Это во-первых, – сказал Темный, не меняя расслабленной позы. – Во-вторых, я не на допросе. А в-третьих, слушай внимательно. Я сейчас тебе кое-что расскажу, а взамен ты сдашь мне Проповедника. Если найдешь, конечно. Лично мне и никому другому.

– Э-э... Что, если не найду? – спросил Никита, чтобы скрыть замешательство.

– Сдается мне, шансов у тебя побольше, чем у других Светлых.

– Тогда что, если найду, но не сдам?

– Сдашь, – уверенно сказал Андрей. – Я же тебе сейчас подарок сделаю в виде секретной информации, неудобно будет отказываться. На этом все, кто к Свету тяготеет, попадают, начиная с врачей в районных поликлиниках и учителей начальных классов. Ну как же! Такая хорошая женщина, коробочку конфет мне принесла, а я все еще ничего для нее не сделала... Ах...

Никита поставил на блюдце чашку с облепиховым чаем и собрался что-то возразить, но Андрей его опередил:

– Ну и что, что ты теперь знаешь этот фокус? О вреде курения тоже все люди знают, курят же.

Он выложил на стол пачку сигарет так уверенно, словно всем своим видом говорил: «Мне можно. Ты не знал?»

Старше, опытнее и выше уровнем. И к тому же лучше информирован. Никита ни о каком Светлом Проповеднике, досаждавшем Темным, и слыхом не слыхивал – видимо, не для его ушей предназначалась та информация. Зря он окликнул Старкова в парке.

Андрей выпил еще, закурил, выдерживая паузу, но Никита, наученный горьким опытом, больше вопросов не задавал. Разумеется, Старков нарушил затянувшееся молчание первым:

– А нужен ли нам сейчас Великий Договор... Как думаешь, Светлый? Давеча ваш Городецкий извел последнее из сумеречных порождений, которые приглядывали за нами со времен его заключения. Что молчишь, дозорный, не знал? Ваше руководство, мнящее себя пастырями, не сочло нужным рассказать об этом сотрудикам?

– Сочло.

– Прогрессируете, – усмехнулся Темный. – Еще несколько тысячелетий, и вы, глядишь, начнете задумываться о вреде слепого подчинения во имя великой цели.

– Андрей, я устал как собака, моя смена давно закончилась – белый день на дворе, так что давай ближе к делу, – предложил Сурнин.

– Так ближе некуда, Никита. У нас, у Иных, выбили почву из-под ног, все качается. Ты, Светлый маг третьего уровня Силы, разве этого не чувствуешь? Даже люди чувствуют нестабильность и, следуя низменным инстинктам, грызутся между собой, наполняя энергетическую систему до краев. А мы, Иные, находимся на пороге открытого противостояния, только спичкой чиркнуть, и мир взорвется. Вот и скажи: нужен тебе сейчас Великий Договор, вечная бюрократия, лицензии, беготня по темным закоулкам, вампирская лотерея?.. – Андрей погасил недокуренную сигарету, приложил к уху загудевший в беззвучном режиме мобильник и бросил в трубку: – Минут через тридцать... Хорошо, им я тоже займусь, как только освобожусь.

– Иных маловато осталось для открытого противостояния, – тихо сказал Никита, дождавшись, когда собеседник закончит короткий разговор. – Возможно, наша популяция частично восстановилась за счет длительности жизни и естественного притока, но не так, чтобы, как встарь, сходились в бою целые армии. А значит, в грядущем противостоянии люди понадобятся не только как источники энергии для Сумрака... Как пушечное мясо!

– Как бойцы, – поморщился Андрей. – Иных тащит на войну как магнитом по многим причинам: нестабильность Сумрака после всех потрясений последних лет, затянувшееся перемирие... Собственная дурость, романтика или любовь к Родине и человечеству – если говорить о Светлых. А если говорить и о тех, и о других, то уникальная возможность помериться силами, не опасаясь древних запретов. И в случае победы перекроить существующий порядок вещей по своему разумению. Такой шанс не выпадал нам сотни лет. На первый взгляд, заманчиво. Молодое поколение Иных очень смутно представляет себе, что такое война, а от власти еще никто никогда не мог отказаться. И вы – тоже.

– Ну конечно. Это же мы превратили городской парк в свой тренировочный лагерь!

– Нет там нашего лагеря, Никита. То, что мы с тобой видели, – только одна из доморощенных команд, которые учатся управлять не персональной жертвой, а людскими массами. Они создаются как подпольные ячейки, стихийно, по всему миру.

«Стихийно? – подумал Сурнин. – Вот это вряд ли! Андрей, конечно, не скажет. До такой степени он не готов идти против своих, но и так ясно, что у малолетних вампиренышей и прочих низших Темных есть идейные вдохновители. Скорее, тут все наоборот. Эта нелепая команда, которую мы сегодня спугнули, – исключение из правил. В то, что она действительно сформировалась стихийно, я готов поверить. И произошло это совсем недавно, иначе ее уже прибрали бы к рукам, не позволили так глупо засветиться. Само ее существование ставит под угрозу все тайные помыслы Темных, поскольку заставляет противников, то есть нас, обратить внимание на проблему».

– Андрей, ты серьезно думаешь, что Великий Договор потеряет свое значение в ближайшее время? – негромко спросил Никита вслух.

– Скорее всего. Причем, заметь, случится это исключительно благодаря вашему внезапно очеловечившемуся сотруднику. Это же Антон Городецкий уложил Двуетного в могилу. Подбросил Дозорам яблоко раздора в виде нежданной свободы, при этом умудрился выставить себя героем и свалить. Теперь Светлые в лепешку разобьются, обеспечивая ему долгую счастливую жизнь. Отличный способ улизнуть из банки с пауками, обеспечив себе и семье максимальные бонусы, n'est-ce pas[1 - Зд. – Верно? (фр.)]?

– Скотина!

Старков гаденько хмыкнул – мол, о том и речь, и посмотрел на часы.

– Мне пора.

– погоди, Андрей, надо же подвести итог. Что тебе нужно в обмен на информацию о том, что Темные в очередной раз хотят захватить власть? Светлый фанатик по кличке Проповедник?

– Позарез.

– Да перестань... Каждый фанатик в наших рядах – для вас настоящий подарок!

– Только не этот.

- Почему?

- Он расшатывает основы. Втайне от Дозоров он бредит победой Света над Тьмой и как крысолов подманивает детей и дураков на эту дудочку. Он сеет смуту среди людей, рассказывая им об Иных.

- Тебе-то что, Андрей?

- Мне это зачтется, не сомневайся. Это только в Ночном Дозоре Иные третьего уровня Силы бегают по всему городу как шестерки, и результатов их работы никто не замечает.

- Это мой выбор.

- У-у, Никита... Очень, очень наивно! Надеюсь, ты это не всерьез сейчас говоришь, а что называется, на камеру. Потому что мы оба знаем, что это не так. За тебя выбрала система. Ты плохо в нее встраиваешься, и она тебя отторгает, поскольку не рассчитана на работу с личностью. В ней хорошо приживаются разве что ослепленные Светом болванчики.

- На свой Дозор посмотри, - огрызнулся Сурнин. Снисходительно-покровительственный тон собеседника раздражал невероятно.

- А что мне на него смотреть? Я в нем работаю, и вполне успешно. Никто мне не мешает, не лезет с душеспасительными беседами, не набивается в друзья...

- Ну да, только в лакеи!

- Не говорит: «Ты отрываешься от коллектива», как это было модно в советское время, - продолжил Андрей, не обратив внимания на очередной неуклюжий выпад. - Или «Ты не умеешь работать в команде», как это принято сейчас. Встретишь Проповедника, Никита, позвони. О цене договоримся.

Старков поднялся, загадочно улыбнулся, выложил на стол визитку и снял с вешалки пальто.

«Это еще что за странная тяга к сотрудничеству? Что за Темные игры?» – подумал Никита, донельзя озадаченный таким многообещающим концом разговора. Взятки ему, конечно, и раньше предлагали, но не высокоуровневые сотрудники Дневного Дозора.

Пока Старков невозмутимо застегивал пуговицы, Никита сквозь Сумрак разглядывал буквы, вытисненные матовой серебряной фольгой на черном прямоугольнике. Дизайнерское изделие дышало респектабельностью и, словно остывая, парило Тьмой. Через секунду облачко развеялось. Как ни старался, Никита не обнаружил привязанного к визитке заклятия, но все же пока не рискнул к ней притронуться.

– Ничего не нашел, да? – сочувственно поинтересовался Темный.

Самое поганое, что не нужен ему был никакой Светлый Проповедник! При желании он вычислил и взял бы его сам. Быстро и чисто. Дозоры уже выставляли бы друг другу протестные счета, если бы этот мифический персонаж существовал. По крайней мере в ближайшей ориентировке патрулям о нем ни слова не говорилось.

Не верь Темному, не верь... Для чего-то ему надо вывести Светлого дозорного Никиту Сурнина из равновесия. Для чего?

– Может, просто скажешь мне, что происходит? – спросил Никита, все еще не поднимая глаз.

– Дар предвидения, – снисходительно пояснил Андрей, обматывая шею модным шарфом. – Это у меня от бабушки. Так мне непреодолимо захотелось с тобой побеседовать – не смог отказать себе в удовольствии... Просветить тебя Светлые еще не скоро сподобятся, не доверяют тебе твои человеколюбивые начальники. А я, грешный, пошел на поводу у своих желаний – для Темных, как ты знаешь, обычное дело!

Этот шторм в море чужого сарказма Никита пережил стоически. Сам виноват. Нечего приспешникам Тьмы дурацкие вопросы задавать.

Андрей, не попрощавшись, направился к выходу. Счет он так и не попросил, но бармен – он же официант, о деньгах и не заикнулся, хотя находился в здравом

уме и твердой памяти. Разве что желания прислушаться, о чем говорят двое посетителей, у него почему-то ни разу не возникло. Одним словом, приврал Темный дозорный насчет нейтральной территории. Если не Силам Тьмы вообще, то лично ему хозяин заведения был чем-то здорово обязан.

На улице уже начало смеркаться, когда Никита доехал до дома, насчитав по дороге с десятков мелких аварий. Во второй половине дня серые тучи налились свинцом, тяжело легли на крыши и потемнели еще больше. Верхние этажи высотных зданий укрыл густой туман. Землю сплошь засыпало снегом, от чего промерзший город с белесыми коробками домов и черными деревьями, остекленевшими под ледяным дождем, стал похож на негатив черно-белой фотографии.

У подъезда Никиту поджидал Эдуард Карлович Басоргин.

Светлый маг первого уровня Силы, под руководством которого Никита однажды весьма плодотворно поработал, периодически появлялся в его поле зрения, иногда встречался ему в офисе, зачастую выступал в роли старшего товарища, но чем именно он занимался в Ночном Дозоре столицы, Никита, оставшийся в оперативном отделе, представлял себе весьма смутно. С одной стороны, Басоргин вроде бы не принадлежал непосредственно к высшему руководству, с другой – был вхож во все двери и кабинеты, включая кабинет шефа и архив, который после истории с сумеречным двойником Киллоран тщательно охранялся.

«Что бы ни случилось, ты опоздал, старина Эдвард, – почти сочувственно подумал Никита, пожимая ему руку. – Темные тебя опередили. Андрей Старков успел раньше».

– Здравствуйте, Эдуард Карлович, давно ждете?

Он гостеприимно распахнул дверь подъезда.

– Привет, Никита. Нет, только подъехал. Почему это ты не спрашиваешь меня, что случилось? – спросил бывший начальник.

– Так вы же сейчас мне сами это скажете!

Дверь в квартиру была закрыта на все замки – Настя еще не вернулась. Никита включил свет в прихожей, посторонился, пропуская гостя, и взглянул на часы.

– Проходите, Эдуард Карлович, пока могу предложить только чай, кофе, ром или виски. Но если Настя уже на подходе, возможно, мы даже поужинаем.

Он набрал Настин номер, приложил к уху мобильник и, стягивая куртку, прошел вперед, освобождая место гостю. Звонок сорвался.

– Она не придет, – сказал за спиной Басоргин.

По инерции Никита снова нажал вызов. Телефон нервно пискнул и замолчал.

– Не звони ей, Никита, – посоветовал Эдуард Карлович. – С ней все хорошо, но домой Анастасия сегодня не вернется. И завтра тоже.

Никита положил на полочку телефон, ключи и развернулся.

– Что случилось?

– Видишь ли, Никита... Случилось то, что продержавшийся многие столетия порядок вещей сломался. И с расторжением Кровавого Завета история помчалась вскачь. Пророки по всему миру противоречат друг другу. Сумрак стал во сто крат опаснее, и хуже того – он стал непредсказуем, его порождения выходят в мир одно за другим. Кто будет следующим? Удастся ли дочери Городецкого поладить с ним так, как это случилось с Тигром...

– При чем тут Настя? – перебил Никита.

Басоргин оставил торжественный слог.

– Гонка за артефактами, – коротко пояснил он.

– То есть вы хотите сказать, что Настя... что моя жена для сил Света и Ночного Дозора – всего лишь артефакт?!

– Да, примерно это я хочу сказать, за исключением твоего необдуманного «всего лишь». Ты излишне эмоционален, дозорный. Это никуда не годится.

– Что-о?!

– Видишь ли, Никита, Анастасия действительно очень ценный артефакт, но... с точки зрения сил Тьмы! Это для нас она прежде всего – Иная, вставшая на сторону Света, и стажер Ночного Дозора города Москвы. А для Темных – единственная наследница сокровенных древних знаний, живая ниточка к тем древним цивилизациям, что оказались стертыми с лица земли, к их Силе и могуществу. И для них Настя не боевая подруга и не любимая женщина... Уловил разницу?

Никита собирался что-то возразить, Басоргин опередил:

– Пойми, Никита, Дозоры столицы не располагают еще одним Иным, который был бы так тесно связан с какой-нибудь стихией современного человеческого мира. Оба Дозора не располагают! Или не умеют их распознавать, что сути дела не меняет.

– Откуда мне знать, кто у вас чем располагает, – вяло огрызнулся Никита.

Он понял, куда клонит бывший начальник. Тот мог бы и не продолжать, но все-таки сказал:

– Потенциал Анастасии далеко не ясен, она только-только закончила базовый курс обучения, мы не знаем всех ее возможностей. Теоретически она должна быть связана и с Сумраком, и с мировым океаном реального слоя Земли. В условиях, когда устои трещат по швам, а борьба основных Сил обострилась до предела, Насте угрожает реальная опасность. Ты представь, что будет, если радикальное крыло Темных не убоится Дневного Дозора, в обход запретов захватит Светлую волшебницу и принесет ее в жертву. Такой ритуал взорвет Сумрак на всех слоях. А при учете, что Настя – дитя стихии реального слоя, взорвется и человеческий мир. Возможно. Насколько ослабела связь с мировым океаном в потомках древних магов, не знает никто. Но Темные проверят при случае, не сомневайся. Экспериментировать они любят и экспериментов не боятся. Им последствия в виде жертв и людских страданий только на руку.

- Но Настя...

- Настя при всей своей уникальности далеко не самый сильный боевой маг.

- Но я...

- А ты ничего не сможешь сделать, как бы тебе ни хотелось ее защитить! На карту поставлено существование Иных и существование Великого Договора, что суть одно и то же, да не все это понимают. Кое-кому не терпится начать новый виток противостояния. Извини, Никита, времени на увещевания у меня очень мало, так что спасибо за приглашение выпить и поужинать, я вынужден отказаться. Итог таков: твоя жена под защитой Ночного Дозора. Для нее это тоже полная неожиданность. Настя будет оставаться в убежище столько времени, сколько руководство посчитает необходимым. Связаться и увидеться ты с ней не сможешь. Это для вашей же безопасности. Мне бы очень хотелось, чтобы ты все понял правильно... Собственно, потому я и решил к тебе заехать лично. До свидания.

Басоргин взялся за ручку двери.

- Но как же так? Эдуард Карлович, почему вы нас не предупредили?!

- Да потому что ты не отпустил бы ее от себя! Или начал бы набиваться в охранники, а ее есть кому охранять, поверь. И еще потому, Никита, что тебе здорово повезло: жена тебя любит. Настя ни за что не ушла бы тайно, не оставив тебе свои координаты, не послав весточку, не намекнув, где ее искать... Надеюсь, все это ненадолго, ребята, потерпите. Думаю, у всех нас есть будущее.

Щелкнул дверной замок. Кот Каська вышел из комнаты и многозначительно потерся о ноги хозяина. Он тоже рассчитывал на скорый ужин. Никита присел и механическим движением погладил кота.

- Объявляю неделю сухого корма, Кась, - растерянно пробормотал он. - А может, две или три. В общем, пока Великие Силы не придут в равновесие и Настя не вернется.

Готовить себе холостяцкий ужин Никита не захотел. Стоило открыть дверцу холодильника и обозреть полупустые полки, как аппетит таинственным образом улетучился. Никита достал упаковку нарезанного сыра, яблоко, подвернувшееся под руку, прихватил по пути хлеб и направился напрямиком в гостиную, где за стеклянной дверцей стояли в шкафчике бутылки со спиртным.

Разбудил его телефонный звонок. Мобильник, брошенный в прихожей, надрывался, выдирая хозяина из объятий сна. Никита подскочил на диване, сел, жмурясь и растирая рукой занемевшую шею. Он и не заметил, как, вознамерившись поразмышлять о многочисленных встречах и недобрых новостях этого дня, провалился в сон, растекшийся вокруг из слепого экрана выключенного телевизора. В комнате и в прихожей горел верхний свет, за зашторенными окнами по-прежнему было сыро – по карнизу уныло шлепал мокрый снег. Мобильник смолк. Никита бросил взгляд на стенные часы. Десять ноль-ноль. Утра? Нет, сквозь шторы пробивался бы свет. Значит, вечера... Какого дня?! Он вскочил, запнувшись за стакан из-под виски, стоявший на полу возле дивана, бросился в прихожую и схватил телефон в полной уверенности, что увидит непринятый вызов от оперативного дежурного, который отчаялся дозваться сотрудника на смену.

«Ага! Все-таки вечер, и у меня все еще выходной... Отличная новость», – подумал Никита, взглянув на дату и время.

Мобильник в руке снова разразился трелью.

– Алло! – сказал Сурнин в трубку. – Я слушаю.

– Никита Михайлович? – неуверенно спросил женский голос.

– Да.

– Ох! Здравствуйте, дядя Никита!

Дядя?!

– Я так рада, что до вас дозвонилась! Меня зовут Рая. То есть Раиса. Я дочка Натальи, Зинаидиной дочери. Ну, вы помните, да?

- Нет.

- Баба Зина сказала, что мне лучше всего вам позвонить, что вы уже давно в Москве живете, - защебетала трубка. - Мне так неудобно, так неудобно! Но меня с работы чуть не выгоняют, все так ужесточилось с этим кризисом. Извините, что я так поздно, но вот прямо безвыходное положение! Я вас не разбудила случайно?

- Да нет.

- Может, мне лучше завтра перезвонить?

- Нет уж! Говори, Раиса, что случилось, - буркнул Сурнин, перебирая в голове многочисленных дальних родственников.

Зинаида, на которую ссылалась девушка, была родной сестрой Никитинового отца. Если эта щебечущая в трубку девчонка - ее внучка, то получалось, что Никите она приходится двоюродной племянницей.

«Может, мне пора умереть и воскреснуть с новыми документами? - угрюмо думал он, слушая сбивчивый рассказ. - Обычно такая необходимость появляется у Иных годам к семидесяти, но если Раечка сейчас не заткнется, я прямо завтра заявление в офисе напишу! По меркам ее бабушки у нас охренеть какое близкое родство. А семья у отца была немаленькая. И я, болван, забыл стереть номер из мобильного тетки, когда был в командировке на исторической родине. Не зря все наставники твердили в один голос, что в работе оперативника Ночного Дозора не бывает мелочей...»

- Короче! - не слишком вежливо предложил он, прервав словопоток.

- Может, пожалуйста... Если бы вы согласились... Вот бы мне бы...

- Рая! Тебе прописка московская нужна или деньги?

- Нет-нет! - закричала девушка, испугавшись, что он сейчас же бросит трубку. - Только временная регистрация! Понимаете, у меня вуз без общаги, мне пятнадцатого с квартирной хозяйкой расплачиваться, а на работе сокращения. И

еще новый замначальника, он личные дела всех студентов заново перебирает! И всех, кто по договору работает, грозитя уволить!

– Все-все! Я понял. Завтра, в одиннадцать, в МФЦ, записывай адрес... Паспорт не забудь!

– А... Дядя Никита, а на год можно?

– На год – только с условием, что до завтрашнего дня ты мне больше ни разу не позвонишь. Завтра без пяти одиннадцать я тебя сам наберу. Не опаздывай.

Никита отложил телефон, пожал плечами, расправил кровать и впервые за несколько дней уснул в своей постели.

* * *

На следующий день районный многофункциональный центр вызвал у Никиты острый приступ зависти к людям и их достижениям. Человеческая изобретательность как в сфере бюрократии, так и в сфере ее обслуживания всегда его впечатляла.

Пожалуй, люди здесь выиграли. Документооборот родного офиса Ночного Дозора казался Никите скрипучей машиной проволочек, увязшей в каком-то дремучем средневековье. Не спасали ни современные базы данных, ни передовое компьютерное оснащение, пришедшие на смену бумажным картотекам. Происходило это отчасти из-за того, что отнюдь не всю информацию, содержащуюся в пухлых бумажных папках, пожелтевших каталогах и потрепанных целительских справочниках, можно было перенести на современные носители. В хранилищах Ночного Дозора зачастую встречались папирусы, восковые дощечки, ветхие кожаные лоскуты, кости, испещренные рунами, и еще более невероятные артефакты вроде старинных свечей, дымок которых складывался в слова заклинаний, и ароматических палочек, вызывавших приступы озарения. Офисные работники Ночного Дозора были вынуждены лавировать между двух систем хранения информации – традиционной и электронной, и это отнимало кучу сил и времени. Особенно если учесть, что цепочка накопленных Иными сведений не прерывалась.

Люди могли позволить себе выбросить алхимию на свалку истории, а античным медицинским инструментам отвести место в музее. В силу краткости жизни они легко расставались с целыми системами знаний, заменяя их современными воззрениями, возвращенными на опыте отцов-основателей. У Иных дело обстояло куда сложнее. И потому бюрократическая машина магов и волшебниц, вершивших судьбы мира, проигрывала человеческой вчистую. Это Никита Сурнин мог заявить со всей ответственностью.

Не далее как на прошлой неделе он угробил целый день в коридорах и кабинетах любимой конторы и вышел в дозор, на глазах у изумленной публики спустившись со второго этажа офиса. В ответ на закономерный вопрос оперативного дежурного «Сурнин, а ты что, домой не уходил разве?» Никита испытал острое желание его ударить.

Дело, которое отняло у него практически целые сутки, на первый взгляд совсем не выглядело хлопотным. Никите всего-навсего требовалось найти в Ночном Дозоре столицы ответственного за размещение в приютах для бездомных животных двадцати двух кошечек (из них пять котов, два кастрированы) и зарегистрировать одного дикого Светлого перевертыша – тоже кота, – разумеется, не кастрированного. Вся эта пушистая компания проживала в двухкомнатной квартире у благообразной одинокой москвички Марианны Васильевны, орала на все лады и круглогодично гадила в подъезде (за исключением перевертыша, что никоим образом не спасало ситуацию).

Марианна Васильевна была Светлой Иной седьмого уровня Силы. Договор она никогда не нарушала, о противостоянии сил Света и Тьмы что-то такое когда-то вроде бы и слышала, да подзабыла, лицензий на магические вмешательства не просила, с легкостью отдавая их следующим в очереди, а занималась тем, что подкармливала окрестных собачек-кошечек. Кошек милая барышня любила больше, потому подбирала регулярно и, когда удавалось, пристраивала в добрые руки. Удавалось не всегда.

В поле зрения Ночного Дозора она попала случайно. Патруль обнаружил, что Темных Иных к дому Марианны Васильевны как магнитом тянет, и ходят они на Зеленую улицу регулярно, как роботы на подзарядку, – до того привлекают их мощные всплески негативной энергии.

Над природой этих всплесков долго размышлять не пришлось. Как оказалось, не все жители дома номер тридцать два разделяли любовь Марианны Васильевны к

братьям нашим меньшим. К моменту, когда до Светлых патрульных дошло, что дело куда серьезнее, чем кажется, противостояние между соседями достигло пика и грозило перерасти в небольшую гражданскую войну с участием защитников животных, защитников прав человека, волонтеров, представителей управляющей компании, членов комитета по правам ребенка и дополнительных сил полиции.

Темные уже не просто качали энергию человеческих эмоций, которая на пике регулярных скандалов была через край, они водили к дому номер тридцать два новообращенных Иных и стажеров, чтобы показать тем и другим на практике, чем в конечном итоге оканчивается следование Светлым идеалам.

– Илья, ты серьезно? Я что, должен идти этот кошатник разгонять?! Может, еще Высших Иных задействовать и ОМОН вызвать? – в сердцах спросил тогда Никита у зама по патрульной службе, получив задание от него лично. Но Илья был непреклонен.

– Третий уровень Силы, не меньше, – холодно произнес он, прекратив дискуссию.

Вместо Высших Светлых и ОМОНа Никита получил в напарники девчонку-перевертыша и молодого парня – боевого мага, которыми ему предстояло руководить в грядущей спецоперации. Узнав о задании, они переглянулись и едва сдержали улыбки.

Но вскоре всем троим стало не до смеха. Во-первых, Светлым дозорным предстояло разбираться со Светлой же волшебницей, пусть и невысокого уровня, что само по себе не слишком приятно. Во-вторых, когда оперативники во главе с Никитой прибыли на место, скандал выплеснулся во двор, из подъехавшей машины выбиралась съемочная группа телеканала «Москва 24», а Темных наблюдателей собралось столько, что яблоку некуда было упасть. Не то что каждое воздействие – каждое движение Светлых регистрировалось десятками пар недобрых глаз. Только сотрудников Дневного Дозора Сурнин насчитал не меньше пяти, причем двое дежурили в Сумраке, по колению утопая в синем мху. У подъезда Марианны Васильевны сумеречный паразит, обожравшийся дармовым негативом, разросся до неприличия и приобрел маслянисто-фиолетовый отлив, от чего стал похож на какой-то фантастический древовидный базилик.

- Твою ж мать, - сказал Сурнин, оценив обстановку.

Он мысленно извинился перед Ильей и обернулся к своим менее опытным напарникам:

- Значит, так, ребята... На провокации не поддаваться, знаками Силы не разбрасываться. Рты не открывать. И вообще не дышать без моей команды. Иначе в лучшем случае мы с вами будем недели две протесты разгребать, а в худшем - трупы утилизировать и на Трибунале оправдываться. Все ясно?

- Яснее некуда.

- Тогда пошли.

- Посмотрели, как выглядят добрые дела с точки зрения Светлых Иных? Жалко животных? - спросила Темная волшебница у группы молоденьких стажеров, энергично закивавших в ответ. - А теперь отойдем подальше. Сейчас вы увидите, как Светлые Иные разбираются между собой. Омерзительное зрелище!

Никита шагнул в подъезд и поднес телефон к уху.

- Оперативный дежурный, - отозвалась трубка.

- Это Сурнин. Для успешного проведения операции мне срочно необходимы два, а лучше три сотрудника клининговой компании, машина-фургон, штук двадцать пять переносок для животных, ветврач и психолог МЧС.

- Г-хм... Подтвердите местонахождение: улица Зеленая, дом тридцать два, корпус два?

- Да, как раз заходим.

- Принято, ожидайте.

Никита засунул мобильник в карман и обернулся к напарнице:

– Надо изловить дикого перевертыша, Оля. Нежно, чтоб ни одной царапины. Поскольку он Светлый, боевой маг в его задержании участвовать не будет, да и мне тоже лучше не вмешиваться...

– Я понимаю.

– Справишься?

– Справлюсь, Никита. Поймаем, не волнуйся!

– Тогда начали. Здравствуйте, Марианна Васильевна! – как можно дружелюбнее сказал Сурнин всклокоченной женщине, приготовившейся ценой жизни защищать закрытую дверь квартиры, из-за которой немилосердно воняло котиками. – Меня Никита зовут, мы вам на помощь приехали. Из офиса Ночного Дозора.

Оля обернулась сумеречной рысью, выскочила из-за его спины, рванула на чердак и дальше на крышу вслед за перепуганным полосатым котярой, который слишком поздно сообразил, что пора уносить ноги.

– Наши корреспонденты будут следить за судьбой несчастных животных! – грозил в микрофон бойкий телевизионщик, когда конфликт себя практически исчерпал и Светлые дозорные грузились в машину. – Мы обещаем телезрителям, что съемочная группа нашего канала в ближайшее время навестит приют и проверит, в каких условиях содержатся питомцы Марианны Васильевны.

Сурнин захлопнул дверь машины и поднял стекло. Связанному по рукам и ногам пристальным вниманием Темных Иных и столпившихся людей, ему ничего не оставалось, как отправиться в офис родного Дозора в сопровождении фургона, набитого голосящими котами и кошками. И все равно Темный молодняк провожал его такими взглядами, словно на фургоне крупными буквами было выведено «На живодерню».

Но оказалось, что разрулить ситуацию на Зеленой улице, уговорить хозяйку, утихомирить соседей, не допустить конфликта с Темными и вырваться из поля зрения телекамер – это еще полдела.

Попытка изложить суть произошедшего в письменной форме и сдать пушистые трофеи в офис Ночного Дозора закончилась многочасовыми мытарствами и хождением по бесконечным кабинетам конторы. Дело осложнялось тем, что незарегистрированный Светлый перевертыш оказался беженцем из Украины, не верил никому, кроме пригравшей его Марианны Васильевны, ни Темных, ни Светлых знать не хотел и таскался вслед за Олей и Никитой с таким видом, будто его водили по коридорам гестапо от одной пыточной камеры до другой. Прибыл парень из зоны конфликта, и, наверное, у него имелись веские причины для такого поведения, но Сурнину от этого было не легче...

* * *

– Ну вот, еще один номерок – и мы, – сказала Раиса, возвращая двоюродного дядюшку к реальности.

– Замечательно, – хмыкнул он.

Этот день вообще хорошо начинался, если не считать того, что от Насти по-прежнему не было никаких известий. Никита отдохнул и отоспался за всю неделю. Раиса оказалась миловидной улыбчивой девчонкой, пришла вовремя и болтала много меньше, чем накануне. Видимо, приступ словоистечения случился у нее вчера от волнения и безысходности.

Современную человеческую (во всех смыслах) «службу одного окна» Никита оценил по достоинству. От стойки электронной очереди люди расходились по стрелочкам к нужным окнам. На табло ритмично менялись цифры, механический голос негромко вызывал клиентов, и все происходящее напоминало сверхсовременный конвейер по производству и круговороту документов. Отлаженный механизм работал как часы, успешно встраивая людей в неведомый производственный цикл, заставлял их рефлекторно поднимать голову на мелодичный звуковой сигнал, вставать, подходить к окошку, протягивать бумажку с номером...

Когда Сурнин прописывался в свою первую московскую квартиру, никаких МФЦ еще в помине не было, домоуправление располагалось на первом этаже жилого дома. Он отлично помнил нервную очередь, красную от злости тетку за столом и непрекращающуюся ругань из-за недостающих справок, за которыми приходилось бегать по всей Москве.

Никита поймал себя на том, что почти скучает по бешеному накалу домоуправленческих скандалов. «Наверное, вечером, когда народ с работы идет, здесь все далеко не так стерильно и механистично. Это у них с утра тихо – одни старушки погоды не боятся», – размышлял он, шагая рядом с очастливленной племянницей, которая в десятый раз пыталась сунуть ему в руку пятитысячную купюру и в пятидесятый извинялась за беспокойство.

– Рая, перестань, пожалуйста. Во-первых, ты еще регистрацию на руки не получила, а во-вторых, я же сказал, ничего не надо. Хотя... Давай мы с тобой знаешь как договоримся?

– Как?

– Если вдруг еще кто-нибудь из родственников попросит у тебя или твоей бабушки Зины мой телефон, скажешь им, что меня не нашла, что меня вообще нет в Москве, а номер моего сотового ты потеряла. Ну что, я могу на тебя рассчитывать?

Так умеют спрашивать только Светлые Иные – проникновенно, на самой грани воздействия. Обаянию Света почти невозможно противостоять, равно как и привлекательности Тьмы. Раисе хватило.

– Конечно, я никому! Я... Спасибо огромное, дядя... э-э... Никита Михайлович.

– Пожалуйста.

– Извините, я побегу, ладно? Я сегодня уже везде опоздала!

– Беги, конечно.

– Тогда... До свидания!

– Счастливо.

Он проследил взглядом за девушкой, которая еще раз обернулась, кивнула ему на прощание и умчалась к выходу, лавируя между посетителями. Их количество

постепенно нарастало, у справочной выстроилась небольшая очередь, но домохозяйки и старушки все еще превалировали в людском потоке. Никита остановился в фойе и, пока не забыл, отправил в информационный центр Дозора заявку на стирание информации с мобильных телефонов тети Зины и Раисы. Он как раз убрал в карман телефон, когда какая-то женщина истошно закричала: «Помогите! Здесь человеку плохо!», и сразу же несколько голосов подхватило:

– «Скорую»! Вызовите «скорую»!

Никита остановился в дверях, развернулся и пошел назад, на передней край борьбы за лучшие стороны человеческой души. Сомневался он в том, что это принесет какие-то плоды, или не сомневался, факт оставался фактом: у Светлого Иного, ведущего людей за собой, испокон веков есть только два пути. Первый – победить Тьму в смертельной схватке, здесь все предельно ясно, и, увы, эта торная дорога закрыта Великим Договором вот уже многие столетия.

Второй путь кажется всем новичкам до предела простым и понятным: разжечь такой Свет в человеческих сердцах, чтобы побежденная Тьма рухнула в неизведанные глубины Сумрака и тряслась там от страха. Вечно.

На деле докопаться до волшебного сияния, сокрытого в глубинах человеческих душ, зачастую искореженных бытием до неузнаваемости, невероятно сложно. Неблагодарная работа, кропотливая, утомительная...

Наверное, потому Никита Сурнин и пошел работать в Дозор. Полнящиеся тайной угрозой ночные улицы столицы выглядели куда привлекательнее, чем каждодневное взывание к лучшим сторонам человеческой натуры. Но сейчас, прямо здесь, в районном МФЦ, у него был реальный шанс усилить позиции Света.

Люди всколыхнулись на просьбу о помощи. Позабыв о том, что являются биологической составляющей электронной очереди, они сломали строгий ритм бюрократического конвейера и столпились вокруг старушки, упавшей в просторном фойе. Кто-то подсунул ей под голову сложенную куртку, кто-то побежал к кулеру с водой. Сразу несколько человек набрали на телефонах заветные цифры 112. Стало почти Светло вокруг.

Никита навесил на себя заклинание «свой парень» и протолкался к упавшей старушке, над которой склонились две сердобольные тетушки.

- Пропустите, пропустите, – сердито зашикали в толпе.

- Это врач!

- Это же сотрудник центра, они обучены первую помощь оказывать...

- Не мешайте человеку с аптечкой!

Кажется, были еще какие-то версии, но Никита, сканировавший ауру старушки, к ним не прислушивался. Результаты осмотра оказались неутешительными. Бабуля хорошо пожила на этом свете. Может, пожила бы еще годика два, если бы регулярно измеряла давление, не забывала принимать лекарства, чуть больше доверяла участковому терапевту и не потащилась бы сегодня с утра в МФЦ сквозь мокрую метель и магнитную бурю. Ресурс организма и энергетический потенциал ауры она этим утром выбрала полностью. Тратить драгоценное право на воздействие и реанимировать ее, нарушая естественный ход событий, Никита не мог себе позволить.

На душе скребли кошки. «Скорая помощь» ехала. Бабушка отдавала концы. Еле заметное сияние сочувствия, исходящее от плотного кольца людей, постепенно меркло. Кто-то уже начал снимать происходящее на телефон и прикидывать, сколько просмотров соберет видео.

«Ладно, – решил Никита, оглянувшись на зрителей. – Так и быть. До приезда “скорой”».

И словно сам Сумрак тихо шепнул ему на ухо: «Обман!»

«Вот и нет, с чего бы? Я никого не обманываю. Я на собственных силах ее подержу, на потенциале Иного третьего уровня. Без чудесных исцелений и медицинских заклинаний! Приедет “скорая”, заберет бабушку, и все вздохнут с облегчением – сделали доброе дело. Оказывается, это вовсе не сложно и не больно. И можно периодически повторять эти самые добрые дела – очень уж у них послевкусие приятное».

«Лживый ход...»

«Зато действенный».

Никита качнул головой, прогоняя дурные мысли, которые словно кто-то подбрасывал извне, склонился над старушкой и завел под шею правую ладонь, приподняв голову с закатившимися глазами. От прилива Силы гаснущая аура пошла тусклой цветной рябью. В тот же миг Сумрак жадно потянулся к распростертому на земле человеческому телу и обдал холодом склонившегося над ним Иного. Бабка глубоко вздохнула, приоткрыла глаза и вдруг засипела, с усилием шевеля пересохшими губами:

– Вижу себя... Я вижу... Я... мертва!

От неожиданности Никита ее чуть не уронил.

– Что-что?!

Он поймал тень от ресниц и всмотрелся в серую мглу.

– Моя душа... Она отделилась от тела... Я там.

Аура старушки разбухала, продавливаясь на первый слой. И при этом оставалась по-человечески замкнутой. Кокон с потекшими, едва различимыми цветами как будто что-то тянуло в недоступный мир Иных навстречу нечеткому очертанию человеческой фигуры – призраку, повисшему посреди коридора, стены которого утонули в Сумраке.

– Э-э, бабуля, стоп, так не бывает! – пробормотал Никита, прогоняя липкий страх.

Он бросил поперек «своего парня» «сферу невнимания», сквозь тень провалился на первый слой и вскочил на ноги. Все стало нечетким. Фантом умирающей старушки, оставшейся на реальном слое без опоры, падал, миллиметр за миллиметром отклоняясь назад и запрокидывая голову. Впереди маячила неясная тень. Глубже!

Время застыло. Падение тела в реальном мире на этом слое практически не было заметно, как, впрочем, и самого тела. Мир людей остался где-то далеко позади. Еще глубже! От реальности не осталось и следа, зато двойника старушки – точно такую же дрожащую фигуру в длинном пальто, стоявшую во весь рост, – Никита видел теперь собственными глазами. Ее контуры двоились и троились, отражая в невидимых зеркалах бесчисленные силуэты. Вокруг висела серая хмарь, и тянуло таким холодом, что Никита, со своим Третьим уровнем и уникальной способностью рекордно долго находиться в Сумраке без риска для здоровья, всерьез испугался, что ему не хватит сил вернуться. Он яростно растоптал густые неподатливые тени, тяжело дыша, рухнул на колени возле валившейся назад бабули и успел подхватить ее у самого пола.

– Пропустите! – раздался где-то позади решительный голос. И немного растерянно добавил: – Отойдите назад... Кому плохо?

«“Скорая”!» – вспомнил Никита, перекинул «сферу невнимания» на себя и отполз к стене.

Когда старушку грузили на носилки, она еще дышала. Люди неуверенно улыбались. Никита отер с лица холодный пот, поднялся, цепляясь за подоконник ледяными пальцами, и поплелся к выходу под недобрым взглядом охранника. Все заклинания выдохлись, и молодой парень в распахнутой настезь куртке, который на выходе из МФЦ навалился на дверь всем телом, теперь казался охраннику крайне подозрительным.

«Ну, ни хрена себе прибавил Света!» – подумал Сурнин, плюхнулся на водительское сиденье машины и вытащил мобильник.

– Аналитический отдел слушает.

– Никита Сурнин, Оперативный отдел. Примите запрос на установление личности и проверку контактов...

– Срочно? – без всякого энтузиазма уточнила аналитическая девушка.

– Да, срочно! – подтвердил Никита и повернул ключ зажигания.

Смена у него началась сегодня рекордно рано – часы на приборной панели показывали пять минут первого, а Никита уже гнал в офис на Сокол.

В дежурке его ждала на столе свеженькая распечатка от аналитиков. Едва поздоровавшись, Никита схватил листок, уселся в угол дивана, бесцеремонно подвинув чье-то спящее тело и принялся жадно вчитываться в скупые строчки досье. Бабушку звали Наталья Петровна Иванова, оказалась она самой что ни на есть типичной московской старушкой. Жила как все, померла как все, об Иных слухом не слыхивала. Померла, кстати, сегодня, третьего марта, в 12.02 в машине «скорой помощи», как раз в тот момент, когда Никита отсылал в офис запрос по ее душу. Среди родственников гражданки Ивановой Иных не значилось – ни Светлых, ни Темных, в списках людей, подвергавшихся магическому влиянию или попадавших под действие заклятий, она также не значилась.

Никита повертел бумагу в руках. Аналитики отработали на совесть. Внизу листа мелким шрифтом они даже указали наиболее значимые контакты Н. П. Ивановой за последний год. Пометка «Общий фон» означала, что над бабушкой никто не колдовал, и даже люди ей никаких значимых ударов по ауре не наносили. Не проклинали старушку ни родственники, ни случайные прохожие, смерти не желали, одна только продавщица на рынке два года назад так разоралась, что бабушку инфаркт хватил. Но та же продавщица, оказавшись теткой в общем-то неплохой и набожной, гражданке Ивановой с тех пор все со скидкой продавала – грех отмаливала.

Никита свернул лист вчетверо, засунул в карман и на выходе из дежурки столкнулся с Александром Спешилковым.

– О, Саша! Привет. Как ты вовремя!

– Да я как раз не вовремя, Никит, – заулыбался Санек, пожимая ему руку. – Только-только рапорт сдал. Прикинь, насколько с суток опоздал – белый день на дворе! А ты чего здесь?

– А я на смену.

– На ночную, – скорее утвердительно, чем вопросительно сказал Санек.

– Не совсем – я с вечера на сутки.

– Как-то неправильно у нас в конторе время работает. Кстати, я в столовую собирался, пойдешь?

– Пойдем, – согласился Никита.

Оперативники третьего уровня в Ночном Дозоре – своеобразная каста, негласная элита ночных улиц. Несмотря на то что Дозоры столицы давно перешли на круглосуточную посменную работу, в составе обычных патрулей «тройки» днем появлялись редко, и практически никогда не работали парами – это было слишком расточительно. Светлых Иных третьего уровня Силы, которые на долгие годы задерживались в оперативном отделе, было до слез мало на двенадцатимиллионный мегаполис, а Тьма, как и в стародавние времена, предпочитала ночь.

К тому же в последнее время Дозоры лихорадило.

За долгие годы существования Великого Договора Иные – как Темные, так и Светлые – привыкли к системе патрулирования, цель которой заключалась не в том, чтобы развязать войну, а в том, чтобы заставить противника нарваться на штраф. Современные оперативники Ночного Дозора в массе своей не знали иных времен. Все-таки оперативный отдел по большей части – удел молодых. И вдруг на глазах у изумленных боевых магов задрожал и стал рушиться вековой миропорядок, казавшийся незыблемым. Все смешалось с приходом в мир Двуетного, его кончиной и отказом Иных следовать древним правилам.

Опытные сотрудники третьего-четвертого уровня Силы в этих условиях стали цениться на вес золота. Семена рвали на части, поскольку лучшего примера для растерявшейся молодежи было не найти. Никите Сурнину и Саше Спешилкову те времена, когда можно было спокойно уйти домой по окончании смены, казались далекими беззаботными денечками, в которые, конечно же, любой сотрудник Ночного Дозора непременно доживал до утра.

Примерно с декабря прошлого года Сурнин и Спешиллов из ночи в ночь носились по всей Москве, зачастую и по Подмоскovie, и если вдруг оказывались к рассвету в родном административном округе, то горячо благодарили судьбу за спокойное дежурство в тихой гавани. В последнее время и без того условная

привязка к округам столицы стала для них чем-то вроде порта приписки. Ну, есть надпись на корме судна, которое ураган швыряет по морю-океану, и ладно.

- Саш, дело есть, - сказал Никита.

- Угу, - отозвался Санек.

- У меня в округе сегодня одна бабуля умерла. А обе ее внучки живут у тебя в ЦАО.

- Иные?

- Нет. Все люди. Бабка пришла в МФЦ проконсультироваться, как квартиру наследникам отписать.

- А-а! Из-за квартиры грохнули.

Санек большими глотками запивал уничтоженную порцию съестного. По всему видно - работал парень больше суток, и пришлось ему несладко - мысли не светлые и аппетит волчий.

- Саня!

- А? Что, внучки ее разве не того?..

- Нет, представь себе, не того. Все по-человечески.

- А на кой тогда тебе эта бабка сдалась, Никита?

Он наконец поднял глаза.

- Понимаешь, какое дело... Мне показалось, что перед самой смертью она взаимодействовала с Сумраком.

- Вошла туда, что ли? - удивился Спешиллов.

– Н-нет... Не совсем.

Никита увидел в глазах собеседника, допившего компот, недоверие, но все-таки пересказал вкратце странное происшествие в МФЦ.

– Ну, тут же все понятно! – самоуверенно констатировал Санек, сыто откинувшись на спинку стула. – Это ты с Сумраком работал, пока тянул бабку до приезда «скорой». А вовсе не эта твоя Петрова.

– Иванова.

– Не принципиально. Ты – Иной, она – нет.

Еще совсем недавно такое короткое построение фраз было для Санька совсем нехарактерным.

– Может быть, но тогда все еще более странно, – пробормотал Никита. – Сань, а люди вообще с Сумраком могут взаимодействовать?

– Могут, конечно.

– Например? То, что они постоянно туда энергию сбрасывают, я в курсе.

– Экстрасенсы частично улавливают колебания Силы, дети до трех лет, у которых аура формируется. Еще взаимодействуют те, кто находится под прямым влиянием Иного. Волонтерство, например, часто сопровождается подобными эффектами. В отдельную группу некоторые исследователи предлагают выделить жертв Темных Иных, поскольку многие вампиры предпочитают питаться в Сумраке. Значительный процент этого Темного сообщества считает процесс питания интимным актом...

Прежний Александр Спешиллов вернулся к жизни, возродившись из пепла. Сыт, светел и готов делиться информацией... Никита невольно улыбнулся.

– Саша, стой! Подожди. Человек не находится под влиянием Иного, и это – обязательное условие! Я просто сказать не успел.

– Э-э... Не понял. Твоя бабка как раз находилась! Ты же ей сам ауру подпитывал. Ты определись, Никит, чего тебя больше интересует: чистая незамутненная теория или практический аспект.

Саша подмигнул и непринужденно расположился на стуле, изображая профессора-всезнайку, принимающего экзамен у студента. С точки зрения хорошего настроения собеседники находились в разных весовых категориях. У Санька, предвкушавшего несколько часов спокойного сна, оно разрослось до совершенно неприличных размеров.

Никита потер рукой лоб и посмотрел в пустую тарелку.

– Сань, давай я тебя до дома подброшу, я на машине, – предложил он. – Заодно мы в Центральном округе родственников бабкиных проверим. Вдвоем. Поможешь?

– Да пожалуйста, только я-то тебе зачем?

– В качестве независимого наблюдателя. Чтоб я больше в собственных показаниях не путался.

– Самокритично, – хмыкнул Санек. – Ты для начала у аналитиков спросить не пробовал? Может, малыми потерями обойдемся?

Никита достал из кармана сложенный лист, развернул и показал бывшему напарнику.

– О, – сказал Саша и на несколько минут погрузился в несвойственное для него созерцательное молчание. – Ладно, поехали.

– Как там Настя? – спросил он, усевшись на переднее сиденье машины и потянув ремень безопасности. – Последний раз, когда мы виделись, она рвала и метала, что ее засадили в офис Инспекции маломерных судов. Кажется, она совсем по-другому представляла себе стажировку в Ночном Дозоре.

– Не знаю.

- То есть как это?

- Так. Мне не докладывают.

- Но вы же...

Саша схватил себя за ухо, словно только этот жест мог заставить его вовремя замолчать.

- Ее начальство куда-то командировало, сотовый недоступен.

- Ничего себе, - пробормотал Спешиллов и, чтобы развеять неловкое молчание, перевел разговор на работу. Благо, тут двум оперативникам сразу же нашлось, что обсудить. Когда они подъезжали к дому первой из внучек, распалившийся Санек, не скрывая досады, брякнул без всякой задней мысли:

- И Проповедник еще этот, будь он неладен! Тоже мне важная птица - нашли, кого всем Дозором ловить!

Никита дернул машину вперед, припарковался и медленно повернул голову.

- Задолбал, да? - сочувственно сказал он и выжидательно посмотрел на Сашу.

- Не то слово! - согласился тот, легко поддавшись на провокацию.

Находка для шпиона, а не собеседник. Полное доверие своим - выведывай, что хочешь. Чуть подыграть, задать несколько наводящих вопросов, пару раз кивнуть в нужном месте или многозначительно промолчать, мол, слов подходящих не нашлось, и вся самая свежая информация о неведомом Проповеднике - в кармане. Разве что вывод, почему Темный Иной Андрей Старков посчитал возможным доверить тебе эту информацию, а прекрасные Светлые соратники - нет, придется сделать самостоятельно.

- А по моему округу тишина пока, - неопределенно произнес Никита и опустил глаза.

– Сводка по округу в открытом доступе! Вся контора видит. Ты зачем ее смотришь, если ориентировку персонально рассылали с четвертого уровня Силы?

– А-а. Ну да... А как там прошлой ночью?

Горло сдавило и царапало, словно у Никиты начиналась ангина и каждое произнесенное слово обжигало воспаленную слизистую.

– Да так же. Уходит каждый раз, поскольку всем не до него, и так работы навалом. Скажешь, ты всерьез за него взялся?

– М-м...

– И все наши так! Допустим, расскажет этот Проповедник своим последователям, что на Земле рядом с ними живут маги и волшебницы, в нашем случае – добрые. Раскроет глаза. Попытка в истории не первая и не последняя, я об этом много читал, но суть в чем?

– В чем?

– Да в том, что он нам таким образом только задачу облегчит! Они же все первым делом побегут Ночной Дозор искать, чтобы встать под знамена борьбы со злом. И себя сдадут, и его!

– Почему не Дневной? – рассеянно спросил Никита.

– Потому что они – последователи Светлого Проповедника. Куда им еще идти?

– А...

«Нет, не могу, – подумал Сурнин. – Черт с ней с информацией, не хочу. Гори оно все синим пламенем».

– Ладно, Саша, мы приехали. Закрываем тему, идем внучек отрабатывать.

Задача для Иных третьего уровня Силы оказалась пустяковой, недостойной мастерства и высокого звания... Очень скоро Никита убедился в том, что аналитикам Ночного Дозора можно верить безоговорочно, подбросил Сашу до дома и остановился у какого-то торгового центра, не доехав до офиса несколько кварталов. Двигатель он не глушил, мотор тихо урчал, «дворники» смахивали с лобового стекла липкие комья, отяжелевшие от воды. Радио предсказывало к ночи жестокое похолодание, ухудшение погоды и умоляло водителей не пользоваться личным транспортом, повторяя слова «оранжевый уровень опасности» с таким пиететом и придыханием, словно это было заклинание невероятной разрушительной силы, которое городские службы до последнего не решались пускать в ход.

Никита одобрительно кивнул магнитоле, прежде чем развернуть поле вероятности и заглянуть в будущее. Если бы у него имелся личный счетчик уровня опасности, то индикатор сейчас тоже неуклонно полз бы в красную зону. Слишком много произошло разговоров и событий, которые вроде бы никак не связаны между собой и не таят никакой опасности.

Он вгляделся в магический рисунок, развернувшийся на лобовом стекле. Поле вероятности предстало перед ним в виде многомерной и крайне нестабильной сумеречной конструкции, через которую просвечивали зеркало заднего вида и передние стойки автомобиля. Наверное, шефу аналитиков Ночного Дозора удалось бы выделить главные вариации из множества линий. Но у Никиты предвидение никогда не было сильной стороной. После пятнадцати минут магических манипуляций он мог с уверенностью утверждать лишь то, что автомобильная авария ему до завтра точно не грозит, а вероятность отравления пищей и ядами в предстоящую ночь стремится к нулю.

Сурнин вздохнул, разогнал сумеречную муть перед глазами и бросил взгляд в боковое окно.

На улице стало как-то уж совсем туманно, холодно и непроглядно. Непрерывно ползущий по стеклу мокрый снег вспыхнул в свете чужих фар, справа раздался резкий звук клаксона, характерный глухой удар, и захлопали автомобильные дверцы.

Пятившийся джип, выезжая с парковки, разворотил скулу «некси», скребущейся вдоль ряда машин в поисках свободного местечка. Никита, который так и не успел тронуться с места, покачал головой. Вот и верь после этого полям

вероятности. Авария действительно его миновала, зато оба сцепившихся автомобиля надежно запечатали ближайший выезд, и теперь, чтобы выбраться на дорогу, требовалось объехать полпарковки. Никита высунулся из парковочного кармана и притормозил, пропуская неловко разворачивающуюся «шкоду».

Из джипа выскочили два бритых головогрудых мужика в коротких спортивных куртках, из «нексии» вывалилось четверо парней слегка пощуплее, бандитским калибром поменьше, но ничуть не менее решительных и агрессивных. Тьма, питая Сумрак, заботливо окутала участников аварии. Их ауры налились красным. Словесная перепалка вот-вот грозила перерасти в побоище.

Никита от души выругался вслух, сдал назад, выключил зажигание, отстегнул ремень и взялся за ручку. Он уже почти вылез из машины, когда вдруг опустился обратно на сиденье, так и не захлопнув дверцу. Через щель в салон пробрался беспощадный мартовский ветер – сырой и холодный. Словно недоумевая, почему водитель все еще здесь, он яростно бросался на машину, стремясь распахнуть жалобно поскрипывающую водительскую дверь. Никита не пошевелился. Сегодня утром он уже попытался прибавить этому миру Света, и, по большому счету, ничего хорошего из этого не вышло. Сейчас шансов сделать мир лучше было еще меньше. Да и зачем? Все идет своим чередом: Сумрак получает эмоции. Приспешники Тьмы из числа людей ослабляют ряды, мордуя и убивая друг друга. Тратить на них Силу и драгоценные воздействия – лишать шансов тех, кто еще может встретиться на пути предстоящей дозорной ночью. А если патрульные Дневного Дозора крутятся где-то поблизости, все еще больше осложнится. Они точно не упустят шанс предъявить счет дозорному, влезшему в чужие разборки.

Поразмыслив, Никита решил начать совершать добрые дела с малого – позвонил в полицию. Заканчивая короткий разговор, он заметил юную бизнес-леди, которая вместо того, чтобы переждать заварушку, сломя голову помчалась к своей машине, стоявшей неподалеку от пострадавшего джипа. Сурнин вздохнул, покачал головой и, не покидая своего наблюдательного пункта, прикрыл девчонку защитным заклинанием. Едва не уронив пакеты в грязь, она запихнула покупки в салон и прыгнула на водительское сиденье, стремясь уехать отсюда как можно скорее и как можно дальше, пока по ее любимому авто случайно не прилетело бейсбольной битой. Кажется, она очень любила эту машину. Любила всю, целиком, от новенькой упаковки влажных салфеток в «бардачке» до рисунка протектора на зимних колесах, и это наводило на грустные мысли о

пылкой девичьей любви, которой могло найтись и более достойное применение.

Тем временем одного из бойких парней уже приложили мордой о капот замызганной «нексии». Неподалеку собралась кучка зевак – те, что посмелее, прицелились в дерущихся холодными глазками видеокамер. Полиция почему-то не спешила.

Никита не выдержал, чертыхнулся, все-таки вышел из машины, зло хлопнул дверцей и шагнул в Сумрак. Ветер стих. Участники потасовки застыли прозрачными куклами, по щиколотку увязшими в зыбком чернильном пятне. Торговый центр переродился в готическое здание с бездонными провалами ворот, глотавшими посетителей. Глотало оно их очень медленно и смачно, с протяжным низким гулом всасывая тени покупателей и неохотно отпуская их из туманного чрева. На ближайшем входе в обрамлении синего мха застыла вертушка, похожая на уродливую карусель, на которой проекции человеческих тел замерли в неестественных позах.

Никита зашагал к эпицентру потасовки, поглядывая на выцветшие остовы автомобилей. Тьма под ногами дерущихся почуяла Светлого Иного. По призрачному грязному пятну прошла волна, оно загустело, маслянисто заблестело и ошетинилось рябью.

«Начнем с простого», – усмехнулся про себя Никита, растопырил пальцы и поднял руку, чувствуя, как разгорается в ладони белый огонь.

– Не-ет, – едва слышно простонал кто-то у него за правым плечом, как раз со стороны входа в ТЦ, где, наматывая на ось синий мох, медленно проворачивалась карусель с человеческими тенями.

Сурнин отскочил в сторону, в последний момент успел сжать пальцы в кулак. Свет едва не сорвавшегося заклинания, обжигая, рвался наружу.

– А-ах ты...

Что-то черное, истерзанное и очень жалкое попыталось закрыться от едва сдерживаемого сияния, качнулось назад и навзничь рухнуло на землю.

Вампир! Причем едва живой, если к вампирам вообще можно применить такое определение.

- Эй! - неуверенно сказал Сурнин.

Вампир не шевельнулся.

Никита быстро огляделся по сторонам. В Сумраке он был не один, это ясно. Ловушка для Светлого дозорного? Тогда какая-то чересчур хитрая, со сверхсложным секретным механизмом, который жужжит, скрипит, крутится, растягивает пружины, но никак не дает ей захлопнуться. Допустим, полудохлый вампир под ногами - приманка, как и драка на парковке, но где же тогда прячутся охотники? Сурнин поднял перед глазами тень и просмотрел второй слой. Никого.

Тем временем куча черного тряпья у него под ногами шевельнулась, перевернулась на бок и, жутко постанывая, поползла к дерущимся, из последних сил цепляясь за холодную землю рукой с длинными когтями.

Временно забыв про полупрозрачных снулых людей, тянувших из карманов кто травмат, кто нож-бабочку, Никита еще раз осмотрелся, подошел к вампиру вплотную, присел на корточки, взял за шкурку ползущее чучело, перевернул и приподнял.

- Подставить хочешь, Темный? - как можно увереннее спросил он.

Клыкастой тварь можно было назвать очень условно. Из нечеловеческой морды сиротливо торчал правый клык. Левый отсутствовал. Сурнин не считал себя тонким знатоком вампирьей анатомии, но и так было ясно, что вся эта грозная сумеречная анатомия-физиология у Темного нарушена: начиная с торчащих над выбитым зубом осколков скуловых костей и кончая перебитой левой рукой, которая висела плетью. Похоже, что он отчаянно защищался. От кого? Ответ нашелся сразу же. Через всю грудь Темного, сквозь вспоротые черные одежды его сумеречного облика, дымился четкий росчерк - смертельный ожог, оставленный Светом. Оперативник Сурнин отлично знал, как именно Свет оставляет на Темных Иных такие следы.

- «Меч мага»! - шепотом воскликнул он, не веря своим глазам.

Вампир захрипел и обмяк, его аура начала тускнеть.

- Но-но! Только не у меня на руках!

Никита перехватил его поудобнее и потащил как раз туда, куда Темный так стремился и скорее всего успел бы добраться до того, как потерять сознание, если б не натолкнулся на Светлого дозорного, так некстати преградившего путь.

Не выходя из Сумрака, Никита швырнул истерзанное тело вампира под ноги браткам, фонтанирующим Тьмой. Жаль, ни одному человеку из тех, что стояли около торгового центра и снимали драку, не дано было оценить весь символизм картины - Сумрак надежно скрывал ее от людских глаз. Да и некогда им было - людям. Потасовка на парковке подошла к апогею, полностью завладев вниманием участников и зрителей.

И тут Никита сообразил, что подышающий вампир встретился ему как нельзя более кстати. Не желая того, он здорово помог Светлому дозорному, поскольку как пылесос всасывал в себя отрицательные эмоции, кормившие Тьму. Люди-доноры мгновенно выдохлись, их ярость утекла в Сумрак как вода в песок, уступив место полнейшей апатии и навалившейся усталости. Жестокая драка превратилась в пьяную возню в грязи.

Никите практически не пришлось вмешиваться: он сотворил простенького технофага и прямо из Сумрака толкнул к парню, сжимавшему в руке травматический пистолет. «Оса» дзинькнула, как разбитый стакан. Из гнезд лопнувшей кассеты высыпались патроны, зеваки, толпившиеся у края парковки, получили возможность снимать дальше без риска словить пулю. Единственное, ради чего Никите пришлось высунуться на несколько мгновений в реальный мир, рискуя попасть в объективы видеокамер, - это лезвие ножа, который один из братков упорно вдавливал в бедро коротко стриженному мордовороту из джипа.

До бедренной артерии оставалось не больше сантиметра. Никита перехватил руку, с хрустом вытряхнул из нее окровавленный нож, убедился, что он отлетел достаточно далеко - под колеса припаркованных машин, и нырнул обратно в Сумрак, запустив в нерасторопный полицейский наряд заклинанием «императив».

Это в общем-то малоэффективное заклинание Сурнин очень любил за то, что оно заставляло человека вспомнить свой долг. Ну вот вспомнил и вспомнил – пошел исполнять... Где здесь прямое воздействие Света? Темные потом просто наизнанку выворачивались, чтобы доказать насильственное склонение человека на сторону добра сотрудниками Ночного Дозора. И как правило, ничего у них не получалось. По использованию Силы «императив» не дотягивал даже до седьмого уровня. С таким же успехом можно было обвинять дозорных в том, что они отправили по телефону эсэмэс с напоминанием.

Правда, далеко не во всех случаях «императив» работал так, как рассчитывали Светлые Иные. Короткое слово «долг» люди понимали очень по-разному. В прошлом году Никита опрометчиво запустил этим заклинанием в какого-то религиозного фанатика. Следующие полдня он оправдывался перед начальством, расхлебывал последствия применения магии и с ее же помощью возмещал ущерб, причиненный выставке современного искусства.

Но сегодня на парковке ему повезло. Полицейский наряд, который как раз направлялся к торговому центру, слово «долг» понял однозначно: повязали всех.

Вампир, перевернувшись на живот, тыкался мордой в лужу крови, медленно просачивающуюся из реальности на первый слой, нервно повизгивал и чавкал.

– Никита Сурнин. Ночной Дозор. Третий уровень Силы, – церемонно представился Сурнин, схватил несчастного за шиворот и оттащил от единственного доступного источника жизни. Тот даже не стал сопротивляться. Просто заплакал от безысходности, вздрагивая всем телом.

– Кто тебя так уделал – дикий Светлый? – жестко спросил Никита. – Ты его знаешь? Видел раньше?

Вампир закатил глаза и застонал в ответ.

– Ну-ну! Я просто уверен, что ты меня слышишь и понимаешь, – усмехнулся Никита, не ослабляя хватку и не забывая время от времени оглядываться по сторонам. – Расскажешь мне все как было – вызову тебе патруль Дневного Дозора прямо сейчас. Не расскажешь – затащу на третий уровень Сумрака. И лет так примерно через двести, если ты все-таки восстановишься, а не развоплотишься, можешь попробовать предъявить мне обвинения. А я,

разумеется, скажу, что хотел тебя спасти, с матрицей воссоединить в родной стихии. Посмотрим, что ваши смогут мне предъявить. Будешь говорить?

Вампир ничего не соображал. Он облизывался и вращал глазами, пытаясь если не вырваться, то хотя бы посмотреть в сторону спасительной кровавой лужи. Из разбитого рта текла не то слюна, не то сукровица.

- Да черт с тобой... Тьфу!

Никита с отвращением выпустил несчастную жертву предполагаемого Светлого дикаря и посмотрел, как вампир снова присосался к вожделенной дармовой крови, слизывая ее с грязной мерзлой земли. В человеческом мире на этом месте сейчас, наверное, целая проталина образовалась.

- Никуда не уходи, - усмехнулся Сурнин, брезгливо вытер руку о штаны и достал мобильник.

Вызывать оба Дозора лучше было не из Сумрака по нескольким причинам. Во-первых, мобильная связь с первого слоя хоть и возможна, но крайне энергозатратна - мобильник потом придется заговаривать заново. А во-вторых, у Темного патруля не должно возникнуть подозрения, что Светлый дозорный хоть как-то замешан в этом деле. Молодняка у Темных традиционно немало, карьеристов всех мастей - вообще хоть отбавляй. Светлый Иной, стоящий рядом с поверженным Темным, для них настоящий подарок. Решит какой-нибудь ведьмачок ретивый выслужиться - не отмоешься потом.

Изувеченное существо за спиной перестало шипеть и чавкать и вдруг совершенно по-человечески закашлялось.

- Не звони... Дневной Дозор... пожалуйста... Не надо!

- Да ладно! Что тебе не нравится, там же свои, - бросил Сурнин через плечо, но остановился. - Плюс все прелести страховой медицины.

Вампир замотал головой, переводя дух.

– Нет, значит... Подохнешь, дурак, – предупредил Никита. – «Белый меч» – это же не перочинный ножик, это концентрированный Свет, пойманный в сети заклинания. И оно все еще действует. Этой крови тебе не хватит не только чтобы восстановиться, но даже чтобы просто выбраться с первого слоя. Тебя размоет Сумраком! А на меня это повесят.

– Я отплачу...

Вампир завозился, приподнялся и бездыханным грохнулся на тщательно вылизанную землю. Бросить его сейчас – одним кровососом меньше...

– И чем это, интересно, ты мне платить собрался? Добычей поделишься или донорской кровью? Ну, вот... Это у меня еще смена не началась, – проворчал Никита, подошел к искалеченному парню, тихо матерясь, дотащил его до машины и только у самой пассажирской двери вынырнул на реальный слой.

Непростая это была задачка – выйти в человеческий мир с Темным Иным на руках. Тень не отступала, не ложилась под ноги, она яростно преследовала Никиту, поскольку Темный, даже находясь без сознания, стремился как раз наоборот – растоптать Свет. В конце концов Никита соорудил что-то вроде шахматной арки, в которой ослепительно-белые поля чередовались с бездонно-черными, и не без труда уложил под ноги эту крайне нестабильную конструкцию. Затем он запихнул парня в машину на пассажирское сиденье и собирался захлопнуть дверь, когда заметил, что в правой руке тот сжимает какой-то Темный артефакт.

– Ах ты, поганец! Ты меня еще и прикончить собирался? – скорее удивленно, чем зло, сказал Никита, выцарапал кожаный кружок из сведенных пальцев и тщательно обыскал своего нежданного попутчика. Ключи от квартиры, потрепанный бумажник и пригоршню мелочи он извлек на свет, внимательно осмотрел и рассовал обратно по карманам. Паспорт, обнаружившийся во внутреннем кармане куртки, бесцеремонно выдернул и только после этого надежно пристегнул слабо дернувшегoся мальчишку. Спешить было некуда – экстренные службы, расцвечивая мигалками туман и снег, временно перегородили выезд.

Сурнин уселся за руль, повертел в руках чужой паспорт, погрел между ладонями, раскрыл... Бумага не содержала ни грана магии – обычный

человеческий документ, – только уголок подпален яростным пламенем «белого меча».

«Светлов Владимир Данилович», – прочитал Сурнин и покосился на пассажира. Подходящая фамилия. И с каких это пор вампиры на охоту с паспортами выходят?

Вампир мелко дрожал, развалившись на сиденье.

– Эй, Вовка, может, скажешь по дружбе, кто это тебя так?

Не дождавшись ответа, Никита пожал плечами и развернул бумажку, вложенную между страниц паспорта.

«В моей смерти прошу никого не винить. Этот несчастный случай произошел по моей глупости», – гласила записка. Детский сад какой-то... причем до крайности пафосный!

Быстро сунув чужой паспорт себе в карман вместе с нелепым посланием, Никита самым тщательным образом изучил исцарапанный кожаный кружок, смахивающий на пиратскую черную метку, какой ее изображают в мультиках и приключенческих фильмах. Если смотреть не отрываясь, царапины начинали складываться в корявые буквы.

«Алевтина Терентьевна Картузова. Ведьма», – гласила надпись. Ниже был выведен адрес.

На улице коротко взвыла сирена. «Скорая», вызванная драчунам заботливыми полицейскими, погрузила раненых и освободила проезд. Никита привычным движением повернул ключ зажигания и посмотрел на «черную метку» через Сумрак.

Все то же самое, только кружок зловеще потемнел, да откуда-то взялась непоколебимая, как Сокровенное Знание, уверенность в том, что кожа, из которой он сделан, – крысиная. Если так дальше пойдет, для карточек, оставленных ему силами Тьмы, придется покупать специальную визитницу.

Никита покачал головой, достал мобильник и набрал номер Ночного Дозора.

– Оперативный дежурный.

– Мне...

Он честно хотел сказать: «Мне нужна информация по Темным Иным таким-то».

– Ночной Дозор. Я слушаю. Говорите!

– Это Сурнин. Я опоздаю.

Никита тронул машину с места, пристраиваясь за «скорой помощью», деловито вырвавшейся с парковки.

Покалеченный парнишка на соседнем сиденье вроде бы не дышал. Или дышал едва-едва. Но насколько помнил Светлый дозорный, для нежити это не являлось серьезной проблемой.

Настоящая проблема заключалась в другом. Отказавшись от помощи родного Дозора, Никита теперь ехал в полную неизвестность. Ведьму, которая, как и положено любой ведьме, работает с магией опосредованно – через зелья и побрякушки, – и так-то непросто отклассифицировать по уровню Силы, а уж явившись к ней в логово, где Темная защита максимальна, – и подавно.

На подъезде Никита покрепче взялся за руль левой рукой, подозрительно покосился на бесчувственного пассажира и вытащил из «бардачка» боевой амулет, горячий от концентрированного Света. Близкое присутствие Тьмы взбудоражило Силу, закованную в тяжелый кулон. Он нервно запульсировал на груди, когда Никита повесил его поверх болтавшейся там пустышки. Не время для маскарада и творческих подходов к работе. Старые методы самые действенные. Теперь оставалось только надеяться, что это проверенное средство устрашения сработает, и ведьма десять раз подумает, ввязываться ли ей в неприятности. Никаких боевых заклинаний Сурнин заранее плести не стал, не будучи уверенным, что вампир не притворяется и не следит за ним из-под полуприкрытых век стеклянными поблескивающими глазами. Цену технологиям и всяческому ноу-хау Никита отлично знал и не собирался демонстрировать врагу

процесс подготовки к бою Светлого мага.

Ведьма Алевтина Терентьевна жила в самой что ни на есть типовой хрущевке, стоявшей на окраине парка. В грязноватом подъезде воняло кошками, кислым пивом из пустых бутылок, громоздившихся на подоконниках, и бычками из консервных банок, заботливо выставленных на площадках курящими жильцами. Между вторым и третьим этажами, кроме стандартного набора из бутылок, банок и окурков, на подоконнике неожиданно обнаружили вялый цветок в горшке и лишайный кот, который его старательно объедал. На появление Иных кот отреагировал бурно – с воем вскочил на открытую форточку, которую со скрипом раскачивал ветер, выгнулся тощей дугой и едва не вывалился наружу.

Нужная квартира располагалась этажом выше. Честно говоря, Никита думал, что таких дверей, обитых растрескавшимся от времени дерматином, в природе не осталось. На взгляд Иного, правда, обивка выглядела куда интереснее. При взгляде сквозь сумеречную тень каждый мебельный гвоздь с потускневшей от времени шляпкой превращался в пульсирующий темный сгусток. Сквозь дерматин проглядывал сложный узор из натуральной кожи, полосы которой были наклеены прямо на дверное полотно и сплетались в тяжелую решетку – черную, словно ее выковали из чугуна. Так просто не зайдешь даже через Сумрак. Никита прислонил глухо застонавшего вампира к дверному косяку и позвонил.

В глубине квартиры раздались шаркающие шаги. Смолкли. Вампир начал сползать в простенок. Не давая мальчишке ни упасть, ни внезапно напасть, Никита одной рукой схватил его прямо за горло и прижал к стене, а другой вдавил звонок и держал до тех пор, пока по ту сторону снова не зашевелились.

– Ну, хорош, хорош трезвонить-то. Чего надо, Светлый?

– Мне, бабушка, от тебя ничего не надо, – усмехнулся Сурнин. – Визитку мне твою дали. Вот.

Он отпустил кнопку звонка, схватил вампира за плечи, встряхнул и поставил перед глазком, как живой щит. То есть как неживой щит. На ногах парень не держался, голова упала на грудь. С той стороны повисла секундная тишина, защелкали замки, и под ворчливое «ладно-ладно, вижу, заходите, коли пришли» дверь все-таки открылась. Сурнин, поморщившись, подхватил подопечного на

руки, прежде чем шагнуть в темноту.

Темно вокруг было во всех смыслах. Пока Никита неловко протискивался за старухой по захламленному проходу, он всей кожей чувствовал чужеродность этого дома, хозяйки и существа, постанывающего у него на руках. И никак не мог вспомнить, где он недавно видел эту безобразную старуху. Такие лица и такие ауры не забываются.

– Куда ты? Еще не хватало. На пол клади! – скомандовала ведьма, увидев, что, шагнув в комнату, Светлый дозорный намеревается сгрузить ношу на старую софу.

Над софой свешивались бесчисленные зеленые усы и мясистые листья каких-то растений. Горшки и кашпо были развешаны по всей стене, словно коллекция холодного оружия, цветы стояли на узких полочках и болтались на цепях, спускавшихся с потолочных крючьев почти до пола. У некоторых были косо срезаны листья. Зеленоватый сок капал в стеклянные пузырьки из-под пенициллина и банки из-под детского питания, подвязанные к срезам цветными тряпочками. Пахло в комнате как в заплесневевшей аптеке.

Сурнин выпустил из рук полумертвого вампира, развернулся лицом к ведьме и вспомнил, где ее видел. В парке! Как раз перед входом в Сумрак и эффектным появлением Андрея Старкова.

С вытертого ковра, на который с мягким стуком свалилось тело, уполз под софу целый выводок жирных пиявок, оставляя за собой осклизлые дорожки. Под софой что-то зашипело, и на потертые подушки, распушив хвост, выскочил колоритный черный котяра. Это животное в отличие от подъездного собрата Иных не боялось ни капельки. Глядя на Светлого дозорного лимонно-желтыми глазищами, оно утробно и как-то даже вождеденно заурчало, словно в этом доме Светлые маги с завидной регулярностью перерабатывались в кошачий корм.

Старуха бегло оглядела раненого вампира, но не двинулась с места. Она стояла возле огромного – во всю противоположную стену – шкафа с бесчисленными занавешенными полками и запертыми дверцами. Заклинаний, корректирующих внешность, Алевтина Терентьевна, видимо, не признавала. Потому внешность ведьмы Картузовой, одетой в многослойное тряпье и домашние шлепанцы, была традиционно страшенькая. Волосенки седые жиденькие, скрученные в нелепый

узел на макушке, лицо морщинистое, как печеное яблоко, зубы редкие, глазки колючие, а под носом ко всему прочему еще и волосатая бородавка.

– Ну, что скажешь, касатик? – почти ласково проскрипела ведьма, шлепая отвисшей нижней губой.

– Лицензия где? – хмуро спросил Сурнин.

– Ой, насмешил. А если нету лицензии, тогда что?

– Тогда сама знаешь.

– А коли не знаю, то что? – прищурилась старуха. – Давай звони куда следует, пущай приедут да растолкуют мне все как есть, а я подожду. Вон, с городского можешь.

– Ладно, без звонков обойдемся.

– Тот-то, родственничек, поди? – миролюбиво предположила ведьма, кивнув на распростертое на полу тело, заметно дымящееся сквозь рассеченную «мечом» одежду и плоть.

– Нет.

– Ишь ты. А чего с ним возишься?

– Не твое дело.

Старуха премерзко захихикала, не сводя с незваного гостя цепких колючих глаз.

– Светлomu чужая беда никогда покоя не дает. Беспокойные вы, чтоб вас всех размазало по всем слоям да по уровням. Глядишь, Света враз по всему миру прибавится. Из самого Сумрака пойдет сияние-то. Хе-хе-хе!

Баба Яга оказалась тем еще троллем. Никита глубоко вздохнул и выразительно посмотрел на нее сверху вниз.

– Ишь какой решительный да сердобольный! – продолжала Алевтина Терентьевна, сделав крошечный шагок назад. – Это, видать, по молодости лет, пройдет с годами. В первую сотенку всем охота детей человеческих спасать, инициированным помогать да порядки менять. Потом ничего, успокаиваются, притираются...

– Короче, сможешь ему помочь или нет?

– Хочешь, чтоб помогла, так ступай отсель, добрый молодец, нечего амулетом светить, да глазами на меня зыркать, всю животину в дому распугал. Или еще постоишь как пень, подождешь, пока не развоплотится твой братец названный да не упокоится?

– Хорошо, Алевтина Терентьевна, как скажешь. Только чур я к тебе еще наведаюсь, – пригрозил Никита, пятась задом от старухи к спасительному выходу.

– А и заходи, милок, чайку попьем, – прошамкала та и многозначительно махнула рукой на прощание.

В квартире захлопали двери – межкомнатные закрылись с тяжелым грохотом, как будто вели в банковские хранилища, а входная, наоборот, красноречиво распахнулась настежь и грохнула только за спиной у Светлого мага, пулей вылетевшего в подъезд.

До сотого дня рождения, после которого старая ведьма накаркала ему спокойствие и умиротворение, оставалось еще больше полувека, так что в своем нынешнем дисгармоничном состоянии Никита был зол как черт. Хотя, если разобраться, в словах и действиях старухи, указавшей ему на дверь, не было ничего оскорбительного. Темные и Светлые Иные никогда не позволяли наблюдать за своими обрядами сотрудиникам противоположных Дозоров либо делали это с большой неохотой. Темные еще и собственных коллег рангом ниже не жаловали. Да и сам Никита только что шел на риск, не подвесив боевые заклинания из опасения, что вампир шпионит и всего лишь изображает обморок. Естественно, Алевтина тоже предпочла избавиться от Светлого свидетеля, прежде чем начать творить свою магию.

Никита несколько раз глубоко вздохнул и, сдерживая шаг, начал спускаться по лестнице. Где живет ведьма, он теперь знал. Вампира можно легко пробить по базе данных Ночного Дозора, а еще лучше – лично завезти ему паспорт прямо на указанный там адрес. Вернуть документ мальчишке, пока тот был без сознания, Никита и не подумал, рассчитывая обменять на него кое-какую информацию.

В офисах обоих Дозоров получить дубликат любого документа – раз плюнуть. Но по какой-то причине вампир Вовка Светлов так боялся своих, что предпочитал умереть на руках у злейшего врага, но не принять помощь Темных дозорных. При таких граничных условиях эксперимента за паспорт с ним можно и поторговаться.

Москва, засыпанная мокрым снегом и сверкавшая наледью, наглухо увязла в вечерних пробках. Справиться с этим злом Никите Сурнину не помогли ни солидный водительский стаж, ни сверхчеловеческие способности. На Сокол к офису Ночного Дозора он подъехал, когда уже совсем стемнело.

Пересменка давно закончилась не только у рядовых сотрудников, но и у оперативных дежурных, и вместо сурового дядьки, отвечавшего по телефону днем, за диспетчерским пультом Ночного Дозора сидела румяная, полненькая и ужасно шустрая Леночка. На взгляд Никиты, лучше с обязанностями оперативного дежурного не справлялся никто. Может быть, все остальные справлялись не хуже, но точно не умели так улыбаться голосом, что вокруг ощутимо прибавлялось не только Света, но и какого-то густого исконного, почти материнского тепла.

– Ну, вот! Держишь слово, дозорный! Сказал опоздаю – опоздал! – заулыбалась Леночка, на секунду выглянув из-за пульта. – Все как у меня записано.

– Я нечаянно! – заверил ее Никита. – Лен, что у нас? Двадцать минут у меня есть? Мне надо в нашей базе покопаться, собственно, я потому и заехал.

– Пожалуйста, оставайтесь на линии... Переключаю на архив... Минуту... Повторите... Нет, вблизи метро «Пражская» нет никакой активности человеческих служб спасения. Да. И МЧС тоже... Никита! – Леночка приподнялась со стула.

– Я здесь, куда бежать?

– Тебя Басоргин ждет в переговорной, чуть не забыла! Сначала к нему подойди, а потом посмотрим, где обстановка накаляется. Скажу по секрету, центр и юг пока спокойно... Оперативный дежурный!

Никита почти вплотную подошел к пульту, который когда-то казался стажеру Сурнину совершенно необъятным из-за множества тумблеров, змеящихся кабелей и пузатых кинескопных телевизоров, а теперь изящно перемигивался сенсорами и тлея жидкокристаллическими экранами, озаряя пухлые Леночкины щечки. Дежурная прижала пальцем тангенту микрофона.

– Я тебе полную смену поставила, – громко зашептала она, – не переживай.

– Спасибо, Лена. Теперь не буду, – пообещал Сурнин таким же громким шепотом.

Леночка заулыбалась и замахала рукой – иди уже.

Никита немного постоял в полутемном коридоре, собираясь с мыслями, и прошел в переговорную, щурясь от яркого света.

– Извините, Эдуард Карлович, я задержался. Дежурная сказала, вы хотели меня видеть до начала смены?

– Да, Никита, добрый вечер.

Басоргин недовольно пошевелил усами и выразительно посмотрел на часы.

– Что ж, раз до начала смены не удалось, постараюсь тебя сильно не задерживать. Начнем с Насти. У нее все в порядке.

– Э-э...

– Теперь дальше. А что ты стоишь? Садись. По второму пункту так быстро не получится.

Никита подошел к столу, сдвинул в сторону два пустых стула и уселся напротив. Эдуард Карлович потер веки, закрыл и снова открыл ноутбук, стоявший на

офисном столе, и приступил к разговору.

– Так, Никита, – сказал он. – Дело вот в чем. Я не являюсь твоим прямым наставником, как ты понимаешь, но есть один вопрос, который ребята из информационного центра почему-то адресовали именно мне. А я задам тебе... скажем, на правах старшего товарища.

– Задавайте, Эдуард Карлович, – великодушно согласился Сурнин.

– Вопрос такой: у тебя все в порядке?

– В полном. Наш информационный отдел только это интересуется?

– Нет, не только. Ты опаздываешь на службу, отсылаешь аналитикам, которые и без того загружены под завязку, пустяковые запросы с пометкой «сверхсрочно», у тебя полные карманы Темных артефактов, а в ауре – очень интересные цвета.

– Мне кажется, Эдуард Карлович, сейчас вообще нелегко найти Иного с цветами умиротворения в ауре, – заметил Никита, раздосадованный тем, что не выложил в машине вампирский паспорт, ведьмовской кружок и визитку Старкова перед тем, как зайти в офис. – Все остальное непосредственно связано с моей работой в оперативном отделе.

– Значит, и это тоже.

Басоргин развернул ноутбук.

Никита посмотрел на экран. На черно-белой записи с камер видеонаблюдения он дружески беседовал с Андреем Старковым во дворе элитной многоэтажки, а затем они бок о бок шагали по улице до дверей кабачка. Причем на входе Старков галантно пропускал гостя вперед.

– Вот как... – сказал Никита, оттолкнулся от стола и откинулся на спинку стула. – В эпоху информационных технологий информация превращается в оружие. С людьми не поспоришь.

– Не секрет, что мы с удовольствием используем перспективные человеческие наработки, – сказал Эдуард Карлович, закрыл ноутбук и аккуратно переставил на край стола, словно устраняя барьер между собеседниками. – В частности, с недавнего времени наш информационный центр круглосуточно мониторит ситуацию в городе, используя все возможности. Однако люди склонны переоценивать значимость своих достижений. Видеокамеры – это хорошее подспорье в работе, но не более того. Ты не представляешь, какой ажиотаж случился в 1895 году, когда правительство Англии впервые одобрило и разрешило к применению систему Гальтона. Панические настроения среди Иных, угроза раскрытия Дозоров, череда скандалов и взаимных обвинений с неопровержимыми уликами... То еще времечко было.

– Это мы про что сейчас говорим? – уточнил Сурнин.

– Отпечатки пальцев, Никита, – пояснил Эдуард Карлович. – Конец девятнадцатого века – самое начало широкого применения дактилоскопии. А говорим мы с тобой о том, что информация сама по себе это не оружие. Весь вопрос в том, кому она попадет в руки. Отпечатки пальцев не солгут, но в конечном итоге все зависит от экспертов, судей и адвокатов, которые занимаются интерпретацией фактов. Мы, конечно, изъяли запись, но не поручусь, что Темные не успели снять копию. Они могут использовать ее как компромат при первом же удобном случае. Ты точно ничего не хочешь мне рассказать?

– Точно.

– Ну и очень зря! Я, как ты понимаешь, не из праздного любопытства с тобой беседую. Тебе помощь нужна?

– Помощь нужна не только мне, Эдуард Карлович. Всему Дозору позарез нужен надежный способ борьбы с тотальным видеоконтролем. Камеры всех достали, особенно на дорогах. И решением этого вопроса должен заниматься технический отдел. Здесь требуется системный подход, а не разговоры с Иными о том, как лучше модифицировать «сферы отрицания и невнимания» при выходе из Сумрака в центре города и на охраняемых объектах. Кустарщина это все.

– Никита, я говорил не об этом.

– Значит, я вас не понял.

– Ох, Никита... Знаешь, от чего все твои неприятности, дозорный? Ты не умеешь работать в команде, – сказал Эдуард Карлович.

Далась им всем эта работа в команде... Он что, сговорился со Старковым?! Ну, Темный, предположим, какие-то тайные цели в разговоре преследовал. Но Басоргин! Этот-то с чего взял, что он не умеет, если не так давно Никита как раз в его команде работал вместе с Сашей Спешиловым, причем вполне успешно!

– Это вам кажется! – ляпнул он с досады.

Эдуард Карлович приподнял бровь, выдержал паузу, после чего заговорил тихо, как бы по-стариковски ворча себе под нос, но слышно его было прекрасно:

– Зря мы отказались от рангов в пользу уровней Силы. Не тот вес у этого слова, не тот... Ни к чему хорошему эта демократия не приводит, поскольку панибратство не есть плодотворное сотрудничество единомышленников. Если уж существует строгая вертикаль распределения Силы по слоям Сумрака, то, допуская разболтанность в этом вопросе, мы противоречим собственной природе в угоду сиюминутным модным тенденциям.

– По-моему, без разницы, – хмуро заметил Никита, покривив душой.

Старомодное «ранг» действительно прозвучало отрезвляюще, по-военному емко и лаконично по сравнению с мягкотелым современным «уровнем», единым для всего мира Иных, как система СИ. Услышав это хлесткое «ранг», Никита внутренне подобрался, разом вспомнив, с кем разговаривает. Он уже приготовился извиниться за поведение перед «старшим по званию», но Басоргин его опередил.

– Так вот, Никита, – решительно сказал он. – Чтобы ты понимал: сейчас у меня не только нет оснований подозревать тебя в чем-то, но и желания это делать. Наша работа иногда требует весьма непростых решений... Но завтра в девять ноль-ноль эта запись войдет в информационную сводку, которую разошлют по всем руководителям подразделений, и к этому времени у тебя должно быть внятное объяснение необходимости контакта с высокопоставленным сотрудником Дневного Дозора в нерабочее время. Не забывай, в связи с последними

событиями мы практически на военном положении, – сухо закончил Басоргин и первым поднялся из-за стола, прихватив ноутбук.

Никита тоже встал, сделал несколько шагов к выходу и остановился в коридоре, залитом тусклым дежурным светом. Лестница слева вела в полуподвал, где располагались госпиталь и гостевые комнаты. Возможно, в одной из них от Тьмы и Света, от своих и чужих прятали сейчас его Настю... Он представил, как она бесцельно ходит от стены к стене под бормотание телевизора или, сидя на постели, изучает спутанную пряжу защитных заклинаний на стенах.

Эти гостевые комнаты-камеры сейчас точно не пустуют. Наверняка в них скрываются те, кого Ночной Дозор столицы в смутные времена взял под охрану: Иные с какими-то уникальными особенностями, не потерявшие своего дара в момент, когда мир содрогнулся, наиболее значимые Пророки и самая большая по нынешним временам ценность – изготовители амулетов... Те сейчас вообще на вес золота.

В принципе изготовить обычный рабочий амулет любому Иному особого труда не составляет, в учебной программе Дозора есть такой спецкурс. Но это как на стол накрыть: приготовить что-то съедобное каждый сможет, да не каждого возьмут шеф-поваром в дорогой французский ресторан. Мастер видит шире, он знает все тонкости, всю специфику процесса. Если хороший мастер сработает на совесть, его амулет не потеряет Силу многие столетия. Если это очень хороший мастер – его амулет сможет работать на тех уровнях, до которых ему самому никогда не подняться. В руках Высших магов, наполняясь чужой Силой, такие игрушки превращаются в артефакты, сметающие с лица Земли целые города.

И вот мир Иных лишился их разом. И все надо начинать сначала. Так что очень может быть, что Настя не сидит в заточении, точно красная девица в темнице, а помогает какому-нибудь усатому румяному парню в кожаном фартуке, и ей вовсе не так одиноко и холодно, как Никита себе представлял. Она, может быть, вообще не здесь, а в каком-нибудь тайном надежном убежище...

– Молодой человек, вы ко мне?

– Что?

Погруженный в невеселые думы Никита и не заметил, как ноги сами принесли его к лестничной площадке. Мужчина с чеховской бородкой, которому он практически перегородил выход, придерживал рукой полуоткрытую дверь и вопросительно смотрел на Сурнина, строго поблескивая круглыми стеклами очков.

– Я спрашиваю, вы ко мне?

– Ох! Здравствуйте, Иван.

Без привычного белого халата штатный целитель Ночного Дозора выглядел не так внушительно, но все равно не узнать его было невозможно.

– Извините! – Никита торопливо отступил на несколько шагов, освобождая дорогу.

– А-а, Никита... Оперативный отдел, если не ошибаюсь? – уточнил целитель, узнав парня, которого как-то однажды притащили в госпитальный комплекс прямо из дежурки, где его скрутило смертельное Темное заклятие.

– Да я... тут случайно, – смущенно признался Сурнин.

– Не случайно, а очень кстати! – улыбнулся Иван. – Во-первых, у тебя явные признаки переутомления, судя по цвету ауры и общей задумчивости. А во-вторых, нам очень нужен оперативник. Я как раз собирался дежурному по пути заявку оставить. Будь добр, загляни к нам в ординаторскую. Тебе Дима все расскажет.

Целитель куда-то очень спешил. Врач, конечно, профессия круглосуточная, но это не означало, что целители Ночного Дозора не имели права выхода за территорию.

– Понимаете, Иван, – начал Никита, – вы...

Он хотел сказать: «Вы извините, мне некогда, я и так на смену опоздал, а у меня, как на грех, еще собственное расследование наметилось».

Скорее всего Иван, умудренный жизненным опытом, все бы понял правильно. Как не понять? Баланс Сил нарушен. За окном двенадцатимиллионный мегаполис, захлебывающийся Тьмой. Дозорные сбиваются с ног, увещевая Светлых и осаживая Темных. Перекраиваются границы государств, сотрясаются устои, люди мечутся между добром и злом, и каждый мелкоуровневый маг, давно забросивший колдовство из-за проволочек с лицензиями, готов поверить в то, что он Сумеречный Избранник, которому в надвигающемся хаосе дано определить судьбы мира!

В свое время сослуживцы притащили Никиту Сурнина в госпитальный блок в бессознательном состоянии и практически без давления. И если бы целитель Ночного Дозора не распознал ведьмовское заклятие под маской молниеносной формы пневмонии и дыхательной недостаточности, Никита бы сейчас с ним попросту не разговаривал. И уже много лет никуда не спешил. И трещавший по швам миропорядок его бы не беспокоил.

– Вы когда мимо дежурной пойдете, предупредите, что я еще немного задержусь, – сказал он.

– Да-да, конечно!

Охраны на входе в госпитальный блок не было, кроме традиционных защитных заклинаний, ключом к которым служили обычные метки Ночного Дозора. Это означало, что секретных или архиважных пациентов за последние сутки целителям не поступало. Уже легче.

Сурнин покосился на матовые стекла дверей, за которыми располагалось отделение, куда он однажды угодил, подошел к двери с надписью «Ординаторская» и постучал.

– Войдите!

– Здравствуйте, вы Дмитрий?

Никита, остановившись на пороге, дождался короткого кивка от незнакомого Иного, которого оставили в госпитале за старшего, и представился:

– Никита Сурнин. Оперативный отдел. Третий уровень Силы. Можно на «ты».

– Ого! Вот уж в самом деле – оперативный, заикнуться не успели! Тогда можно просто Дима.

– Что у вас случилось, Дима?

Интересный поворот событий – зайти к врачу в кабинет и спросить: «Ну-с, на что жалуетесь?» Целитель, вероятно, подумал о том же и заулыбался в ответ на Никитину ухмылочку.

В отличие от Ивана, чем-то похожего на доброго доктора Айболита, Дима – круглолицый, гладко выбритый и одетый в современный хирургический костюм темно-зеленого цвета – походил не то на перспективного аспиранта, не то на представителя фарм-компании, специально нарядившегося «под врача». На его столе валялся перевитый пояс с множеством подвесок, карабинчиков, испещренных рунами, серебряных петель с разноцветными камнями, амулетов, блестящих то ли ложечек, то ли шпателей и прочих инструментов и склянок, о назначении которых Никита пожелал себе никогда не узнать. Дмитрий указал гостю на широкое кресло, а сам уселся на крутящийся стул, смахнув целительский набор в ящик стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Зд. – Верно? (фр.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/makarova_lyudmila/odinochnyy-dozor

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)